

18+

Вета Янева

Город хороших господ

Вета Янева

Город хороших господ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56079253

ISBN 9785449896575

Аннотация

Ласточка парит над городом, поглядывая на двух девушек, сошедших с электрички. Они смотрят на желтые дома и греются под лучами майского солнца, и думают, как же наладить совершенно новую жизнь. А город полон жизни своей: вот-вот откроется кафе, куда нельзя попасть, не зная пути; скрипач играет мелодии, заманивая прохожих; лис ведёт погоню, но за ним идёт Охотница... И по улицам бродит Хороший Господин, который всеми силами старается помочь людям, но каждый его поступок оборачивается бедой.

Город хороших господ

Вета Янева

© Вета Янева, 2020

ISBN 978-5-4498-9657-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город хороших господ

*«Я надел свой костюм. И шляпу, шинель, галоши.
Меня ждет долгий путь – в здание У НИ ВЕР МАГ.
Я приду, скажут мне: «Проходи, господин хороший.
Сколько взвесить? Сыра побольше иль хватит так?»
Я отвечаю: «Достаточно. Много не надо сыра.
Лучше хлеба отрежьте. И взвесьте мне колбасы.
Не для того исчертил я пол-карты мира,
Чтоб последние деньги вчистую спустить на сыр».*

Наговицын Вадим.

Глава первая.

Новый город, новые мы.

Я сидела на свежей зелёной траве, ещё не успевшей выцвести от палящего солнца, вдыхала запах сладкой ваты и думала о том, что, может быть, наступило Вечное Лето, о котором так часто мечтаешь в детстве.

Было только начало мая, а люди уже скинули с себя толстые зимние шкуры: пуховики, пальто, да даже ветровки. Щеголяли в майках и коротких юбках, задирали носы и, морщась, глядели на солнце, приветливо улыбаясь звезде.

Кусочек шоколадки, зажатый у меня в пальцах, начал тихонько подтаивать и пришлось его быстро спасти, закинув в рот. Хороший равноценный обмен – шоколад обычно спасает всё подряд: плохое настроение, натянутую беседу, скучную пару. Сойдёт – белый, совсем печально – горький, а вот молочный – лучший вид.

Проверено Рией, доказано нами обеими.

Кроме шоколада, в моменты тоски и плохого настроения, я спасаюсь своими собственными «светлыми песнями». Это те, что поются под гитарные перебои, мягким, успокаивающим голосом. Рассказывают, что всё будет хорошо.

Больше всего нравятся Битлз (хотя ни один раз мне говорили, что любовь к ним банальна, но мне всё равно, я вообще не понимаю, как можно говорить «банальная любовь») и Гребенщиков. Под них настроение поднимается очень быстро, эдакое «супер-зарядное устройство». Универсальное.

Включила на сотый повтор новую песню: могла уже спеть

наизусть. Но какая же красивая! Мелодия идеально ложилась на майский день, будто не в наушниках играет, а вокруг жизни, как саундтрек к моменту.

*«если ночь стучит в окно, и на станции давно
не горят зелёные огни...*

*если на сердце темно, я принёс тебе вино —
зацени...»*

Если смотреть на мир вокруг так, под музыку, то очень занятно выходит. Жизнь преобразается, ведь если у кого-то хватило сил к ней песню подобрать, то, может, он и смысл жизни придумал.

Было бы здорово выдумать какой-нибудь свой...

Со стороны реки раздался смех. Я посмотрела на солнечные блики, играющие на поверхности воды.

В Краснокаменном течет всего одна река, даже не особо грязная по меркам всей страны. Одна из достопримечательностей города. Другие – это фабрика пастилы и памятник бобру, по легенде спасшему город от наводнения. Легенда сомнительная, с гусями и Римом не сравнится и больше смахивает на байку, но местные её всё равно любят.

Этот город был странным. Особенно для нас, выросших в крупном региональном центре: там, где воздух серее, люди ближе, а земля роднее.

Но судьбу, как оказалось, не интересует, что я привык-

ла ходить именно в тот магазин за углом, останавливаться на определенном перекрестке и любоваться на дерево, которое сама же и посадила в детстве.

У неё другие планы, и поэтому она закинула нас в город, знакомый, как и все однотипные города страны и чужой, как и любое незнакомое место.

Но даже в Краснокаменном никто не может поменять май, здесь всё так же, как и везде: нестройно шагают и смеются люди, теряют полосатые ленточки, когда ненароком выпускают яркие шарики из рук; парочки глядят друг на друга влюблёнными глазами – девушки уже в ситцевых платьях, и им это аукнется – уж я-то знаю; дети на том берегу играют в мяч...

Мне показалось, что они тайно надеются на несчастный случай: мяч улетит в реку, и одному из мальчишек придется за ним плыть, демонстрировать своё мужество другим, хотя в чём тут мужество непонятно – одна бравада да сопливый нос.

Но пусть развлекаются, что с них взять.

Мимо проплыл белый кораблик из тетрадного листа. Толстые голуби загляделись на него, но, обнаружив, что это несъедобно, равнодушно заурчали и разбрелись.

Кораблик перевернулся вокруг своей оси, намок одним бортом, но всё равно двигался дальше, упорно плыл к своей невидимой цели.

Мне бы взять пример с этого кораблика, а то совсем рас-

кисла.

Песня закончилась звуком флейты. Щелчок – совсем как на старых плеерах – и заиграла другая. Чуть более активная, чем мне бы хотелось, но время близилось к часу, так что пора была уходить.

Я встала, застегнула ветровку, перекинула рюкзак через плечо. Отряхнула колёса скейтборда: из-за недавних дождей он весь испачкался в сырой земле.

Послышался разочарованный крик. Дети на берегу всё-таки уронили мяч в реку, но к самому берегу, так что никому не удалось поиграть в героя и пришлось выуживать игрушку палкой. Я встала на скейт и оттолкнулась от асфальта, поймав привычное равновесие и чувство свободы.

Ветер, местами всё ещё апрельский, налетел резко, забрал с собой пару кофейных стаканчиков и унёс прочь. Я могла только позавидовать: на такую роскошь как кофе денег не хватало, а так хотелось привести Рие её любимый ирландский капучино! Но что поделать!..

Парковая аллея: листья на деревьях начинают робко вылупляться, из-под земли лезут одуванчики. Здесь гуляющих чуть меньше, между ними легко лавировать. Одинокие люди с собаками, всё те же молодые семьи, бабушки на лавочках. Над ними – цветущая вишня, вокруг – сирень. Белое над фиолетовым, розовое на серебряном, целые созвездия соцветий на фоне счастливых людей. Хотелось запечатлеть

этот миг в памяти, но я лишь разогналась и проехала мимо их счастья. Мне представилось, что я черпаю его, и радость их, словно разноцветная лента, летит следом за мной, вьется на ветру. За мной бы сейчас летел целый радужный шлейф из чужих улыбок и блеска их глаз.

За поворотом небольшой переулок, в глубине которого зазевавшийся кот гневно выгнул спину и зашипел. Серый, оборванный, дикий.

Я слезла со скейтборда, прикрылась им словно щитом, и боком двинулась мимо кота, стараясь держаться как можно дальше. Зверь злобно косился на меня, пускал искры из глаз и угрожающе ворчал.

Укрывшись за коробкой, я спаслась от одичавшего представителя городской фауны. Скейт снова на ходу.

Улица плавно склонилась. Дома на ней, как и во всём городе небольшие, кое-где частные, где-то – в три этажа. В центре домики вообще крайне симпатичные: разноцветные, построенные в начале века и блестящие открыточным совершенством, а а вот ближе к окраине шли угрюмые девятиэтажки: серые, страшные, похожие на куски мокрых скал.

Я пронеслась мимо цветочного магазина, над которым женщина сушила белье, облокотившись на перила балкона. Она уже вынесла вечную зелень к солнцу, и витиеватые растения придавали козырьку магазина нужный колорит. На всей улице люди жили прямо над потрёпанными ма-

газинами. Цветы у них на подоконниках уже начинали цвести, холёные коты тоскливо смотрели на улицу через мутные окна.

Редкие прохожие улыбались солнцу, а оно – им.

Весна творит чудеса.

Карман сначала завибрировал, а потом противно запиликал. Я вытащила телефон и нажала на зелёную кнопку.

– Земля вызывает майора Тома! – раздался приглушённый голос.

– Привет, Рия! – мимо проехал трамвай, пришлось перекрикивать. – Я была у реки, хотела домой поехать, но могу завернуть к тебе, спасти от скуки.

– Заворачивай. Здесь как в морге.

– Конечно, твоя же смена!

– Ха-ха. Очень смешно. Привези мне сахар.

– Хорошо.

– И булочку с корицей.

– Хорошо. Буду у тебя минут через десять.

– Жду.

Еле слышный щелчок как в старых аппаратах – Рия положила трубку. Она почти никогда не прощается, просто перестаёт говорить. Не знаю почему: мне, например, нужно прощаться с человеком, даже если я с ним на час расстаюсь. Рию это страшно раздражает, но что поделать.

Город повёл меня дальше, предоставил жутко неудобные тротуары – узкие и все в колдобинах. От проездной части

они не спасали от слова совсем, поэтому каждый раз, когда мимо проносилась машина, становилось слегка тревожно и появлялось желание стать обычным, крайне неторопливым пешеходом.

Некоторые дома в этом районе так и остались деревянными, словно деревенские улочки аккуратно вырезали с фото и клеили на план города. Некоторые домики были магазинами или клиниками: вот покосившийся книжный устало опирается на ветеринарку, а рядом частный детский сад, расписанный ромашками, прильнул боком к музею зодчества. Резной забор был один на всех, украшали его ржавые почтовые ящики и один-единственный скворечник.

Из-за таких деталей город представлялся даже симпатичным. Может, мне всё-таки удастся его полюбить.

Но лучше бы я смотрела на дорогу, а не на домики! Какой-то пьянчуга выскочил из-за угла прямо мне под колёса, свалившись неясной тушей на асфальт. Скейт запнулся, сделал кувырок...

Я успела осознать только свой собственный полёт.

Летела вниз, скейт летел назад, а пьянчуга никуда не летел, а отрешенно смотрел.

Бум,

и я на асфальте.

Зудящая боль охватила ладони и колени, скейтборд опасно балансировал на бордюре и первым делом я схватила его, чтоб не свалился на проезжую часть, а потом уже осмотрела

собственные повреждения, прислонившись к стене. Руки поцарапаны, колени слегка кровоточат. Неплохо, за годы практики я наловчилась падать довольно успешно, раньше бы так просто не отделалась.

Надо мной нависла тень виновника ДТП. Запах спирта, заляпанный пиджак, нечесаная борода и заплывшие глаза. Он тронул меня за плечо, я вздрогнула, но промолчала. А он – нет.

– Что ж ты так неловко-то... Вот молодежь пошла... как бешенные нестись, ещё на каких-то досках, там же даже р-руля нет... Ну вот, ссадина... Ничего, сейчас водочкой обработаем, будет как новенькая...

Он начал рыться в бездонных карманах, видимо, в поисках той самой водки. Я вжалась в стену.

– Нет, нет, я видимо оставил где-то... или выпил...

Наклонился и заглянул мне в глаза. Брови кустистые, мохнатые, а зрачки под ними – как топлёный шоколад.

– А у тебя это... мелочи не найдется? – заговорщики прошептал он, дыша на меня парами дешёвого спирта.

Мелочи у меня не было, а если и завалилась бы – всё равно бы не дала.

Я таких десятками встречала – клянчат на еду и лучшую жизнь, а на деле весь этот цирк и фарс только ради очередной порции водки. Наизусть их манеры выучила: и повадки, и фразы могла бы за них произносить – всё это специфика дворового воспитания.

У него красный нос, такие же красные уши, бегающие глаза и неровная походка. Я бы хотела ему чем-нибудь помочь в другой ситуации, но...

– Так нету? Пару рублей. Горло просушить.

Мотнула головой, мечтая убраться отсюда подальше. К нам подошёл ещё один человек. Его тень загородила солнце, накрыв меня, но я успела разглядеть потрёпанные ботинки и замшевые штаны.

– Девушка, почему вы жадничаете? Неужели вам так сложно сделать хорошее дело? – мягко, но укоризненно сказали мне ботинки.

Я вскинула голову. Говоривший стоял напротив солнца, лицо в тени, но я всё равно смогла разглядеть его глаза.

Всегда была уверена, что при знакомстве с человеком надо смотреть именно вглубь глаз, а не на мимику, одежду или слова. Глаза недаром зовутся «зеркалом души» – прекрасно всё отражают.

У пришедшего глаза светлые, почти прозрачные. Он наклонился чуть ниже, и я увидела, что радужка крапчатая. Так довольно часто бывает у стариков.

Он был... неприятным. Мягкое лицо, широкий нос, спокойная улыбка, серебряные волосы и тёмный свитер. Похож на профессора или писателя. И всё это, по идее, должно было располагать к нему, как к двоюродному дедушке, но не получалось: что-то неясное упорно шептало мне, что надо бы дер-

жаться от этого человека подальше. И я бы с радостью, я вообще не очень люблю сидеть на асфальте с разбитыми колесами в компании незнакомцев, но мужчина решил со мной пообщаться.

Он назидательно покачал пальцем:

– Жадничать нехорошо!

Я аж оторопела от такого наглого поучительства, но с ответом не нашлась и лишь пожелала, чтобы скейтборд сам поехал прочь, захватив меня с собой. Судорожно обдумывала, что сказать. Выпалила:

– Но даже если бы у меня была мелочь, – голос предательски зашелестел, – он всё равно потратит их на выпивку и ничего хорошего не выйдет.

– Это уже не вам судить!

Под натиском двух огромных фигур я уже готова была выгрести все деньги из карманов, лишь бы отстали.

«Профессор» демонстративно дал нищему горсть монет. Пьяница радостно булькнул горлом, схватил мелочь, раскланялся, поблагодарил и бодренько смылся. Я смотрела ему вслед, точно зная, чем это закончится.

– Его попойка будет на вашей совести.

Но никто меня не услышал – вокруг пусто. Какая-то бабушка с болонкой подозрительно присматривалась ко мне с противоположной стороны улицы, видимо решая, нужна ли мне помощь. Не желая эту самую помощь принимать, я быстро встала, отряхнулась, робко улыбнулась старушке. Колени

ныли, на душе гадко, но в целом всё не так уж плохо. Мало ли какие странные типы ещё в жизни встретятся, из-за всех расстраиваться – нервов не напасешься, как говорит Рия.

Но мне снова была нужна песня хорошего настроения.

Музыка ветра тонко запела, и я вошла внутрь магазина. Чайная лавка – маленькая, тесная, но очень уютная. По левую руку – стеллажи с железными кубами чая, справа – полки с посудой. Рия сидела напротив входа, облокотившись на кассу и уткнувшись в книгу, она полностью игнорировала такую мелочь, как покупатели. Я ждала, неловко улыбаясь, но она всё равно не замечала ничего, кроме строчек и букв.

В ожидании я принялась рассматривать бронзовые стены и карту кофейных плантаций, а Рия всё рассматривала книжные страницы. Это «Жемчужина» Стейнбека, томик уже потрёпанный – оставалось только догадываться, где Рия его нашла: с собой мы его не привозили.

Она слегка прикрыла глаза – это означало, что она действительно меня не заметила и не услышала. В принципе, неудивительно: я умею быть невидимкой, а она умеет погружаться в книгу с головой.

На ней рабочий фартук коричневого цвета, зелёная кофта в цветочек и юбка до колена. Новая причёска смотрелась непривычно, но её не портила, наоборот придавала русым волосам (новый цвет, столько раз иссиня-чёрные, и вот!..) блеск. (Я обрезала их в электричке. Получилось на удивле-

ние ровно).

Мне надоело ждать. Потянулась к колокольчику, позвонила.

– Добро пожаловать или что-то вроде того, – пробормотала Рия, не соизволившая оторваться от чтива.

– Привет, Рий!

Рия улыбнулась мне (ещё бы, я же не покупатель), отложила книжку, обняла. У неё мандариновые духи, и запах чая пропитал одежду.

– Ты вроде обещала мне, что защита тебе больше не понадобится. Как ты там говорила? «Да я в жизни больше не упаду». То ли жизнь кончилась, то ли ты ошиблась.

Порывшись в ящике, Рия выудила оттуда пластиковую коробку, оттуда пакет, а оттуда уже коробочку с перекисью. Прямо аптекарский Кошей.

Она заставила меня сесть на стул и обработала ссадины, методично обклеивая их пластырем.

– Там мужчина выскочил прям на дорогу, буквально в метре от меня. Я уже не успевала затормозить.

– Он что, слепой?

– Нет, просто пьяный.

– Мерзость, – поморщилась Рия и колупнула ногтем лак со стола.

Я посмотрела на лампу, почему-то зажженную, хотя на улице солнце. Очень не хватало воздуха. Запустила руку в карман, нащупала там мелочь.

– Ой, я же принесла тебе сахар! И булочку!

Я выудила из рюкзака добычу.

– И зачем ты с разбитыми коленями ещё и в магазин заезжала? Обошлась бы я без этого! – проворчала Рия, но посылку приняла.

– Они быстрее не заживут, а тебе хоть перекусить что будет.

Рия вздохнула, откинула чёлку со лба, глянула на меня. Её глаза сами как чай, может, только поэтому её и взяли в магазин: продавец из неё никудышный.

Пока она готовила заварку, я резала тупым ножом булочку пополам. Рие отдала чуть большую часть.

Чай готов, полдень в разгаре, ни одного покупателя, а из динамиков тихо играет наша музыка: Сплин, Наутилус, что-то из французского андеграунда, который так полюбился Рие пару лет назад. Иногда выводит мелодию скрипка Вивальди... В общем, наше любимое попурри. Я рассказывала Рие о прошедшем дне, она кивала, уточняла какие-то мелочи, помешивая фирменной ложкой сахар. Один раз зашел покупатель (его заметила только я), но просто осмотрелся, ничего не спросил и быстро ушёл, а мы продолжили болтать.

– Не повезло тебе с достопочтенными гражданами, – Рия поставила ещё одну порцию чая. – Но мне кажется, что этот мужик, который горе-советчик, тоже сегодня заходил сюда.

– Какой тесный город! – удивилась я. – Ты уверена?

– Ну, судя по описанию – да. Видишь те конфеты?

Я кивнула, разглядывая маленькую мисочку с подарочными леденцами, круглыми и рыжими, как маленькие апельсины.

– Они цитрусовые. С натуральным соком, вроде. Так вот, – Рия пристально смотрела на дверь, следя, чтоб её рассказ никто не прервал, – приходит ко мне сегодня дитё, девочка лет пяти. Простит продать конфеты, но всё время озирается. Спрашиваю у неё, что случилось: она говорит, что боится ругани от матери. Тут я начинаю сомневаться, стоит ли. Мало ли там – диабетик или ещё что. А потом входит мужик – очень подходит под твоё описание – и говорит мне: «Девушка, не обижайте ребенка, он тоже хочет радоваться, сделайте доброе дело, бла-бла-бла...» Ну, короче, я продала, девочка прямо тут развернула конфету и съела. Эх... Она тут же покрылась сыпью, буквально за минуту. Я бросилась к ней, неведомо откуда взялась её мать, оттолкнула меня, впихнула девочке таблетки в горло, начала кричать... Ужасная ситуация, в общем. С ребенком всё в порядке, на меня наорали и отбыли, а этот мужик смотался раньше всех. Но какой же гад, если так подбивал на дело, не зная ситуации.

Она выразительно замолчала. Часы назойливо тикали. Солнце заглянуло в магазин, напомнив нам, что внешний мир прекрасен.

– Это плохо, – только и смогла сказать я.

А помолчав ещё немного, добавила:

– Зато он хотел как лучше, а ты теперь знаешь, кому не продавать конфеты.

Это мало утешило Рию, но она всё равно слабо улыбнулась.

– Таким бы советчикам – самим по аллергии.

– Может, у них есть.

– Была бы – не советовали бы.

Я молчала. Рия флегматично разглядывала ногти. Я знала, что её задела эта ситуация, но на внешние проявления чувств к посторонним людям она не способна.

– Мне кажется, это какая-нибудь городская звезда. Может, он всем местным уже надоел, вот он и увидел новых, переключился...

– Да к чёрту его! – Рия нервно дёрнула плечом. – Он написал мне.

Замерла, будто «он» мог нас слышать и видеть прямо сейчас, хотя речь шла уже не о назойливом «профессоре». Рия протянула мне телефон, а сама пошла в подсобку мыть чашки.

На дисплее – череда сообщений. Самое нижнее от оператора: «Вы вошли в зону роуминга»; выше – «мама», цепочка сообщений: «Как ты? Где ты? Куда пропала? Где ты?? Почему не отвечаешь????» и так далее. В самом верху смски от пользователя с интригующим именем «кретин». Я открывала. Листала снизу вверх, по мере этого «кретин» набирал обороты в выражениях. Начиналось всё с вполне безобид-

ного: «ты куда подевалась?» а заканчивалось не вполне приличными фразами, свести которые можно к «я тебя из-под земли достану!». Между угрозами у «кретина» были вставки про вечную любовь и прощение.

Это ужасно. Всё происходящее – ужасно.

В горле застрял какой-то ком, я отложила телефон. Рия поставила чашки под стойку.

– Думаешь, он не сможет отследить меня по спутнику? – в её голосе звучала тревога.

– Вряд ли. Но нам надо всё-таки избавиться от этой симки, оставь только новую.

Рия посмотрела в окно, кивнула.

– Да, ты права. Всё равно никому не нужна...

«Что» или «кто» я не узнаю, хотя догадываюсь. Рия сняла крышку с телефона, с профессионализмом вивисектора извлекла сим-карту. Мобильник возмущенно пискнул, но остался включенным.

Рия держала сим-карту ногтями, задумчиво разглядывала. Затем взяла со стола степлер и проткнула карту насквозь. Ещё раз. Ещё. Когда карта превратилась в подобие Боромира, Рия кинула её в мусорку.

– Пойдём, покурим, – сказала она мне, хотя курит из нас двоих только она.

Фартук полетел на стул.

Мы вышли на улицу, закрыли за собой дверь и присло-

нились к прогретой кирпичной стене. Тёплый камень приятно грел спину даже через одежду, позволяя наслаждаться безмятежностью обстановки. Улица тихая, машины тут ездили довольно редко, прохожие попадались чаще. Солнце било в глаза, в воздухе пахло пылью и свежей травой. Холодный ветер по асфальту гнал пакет прямо на несчастного ребенка, которого укутали по самые уши и тащили за руки домой по противоположной стороне улицы. Ребенок хныкал, потел, но родители его были неумолимы.

Мы смотрели наверх: там тополиные ветви будто царапали небо, задевая редкие облака. Вдалеке смеялись дети, ментоловый дым улетал вверх. У него приятный аромат. Рия курит только ароматизированные сигареты – единственные, запах которых я могу выносить.

Мы стояли, и все проблемы будто бы исчезли, улетели вместе с дымом, хотя, конечно же, по факту никуда они не делись.

Но тогда, именно тогда, в эту секунду – всё было хорошо. – Скоро будет лето, – сказала Рия, – уже почти. И оно будет нашим и только нашим.

– Наша уже весна, – улыбнулась я ей.

– Мне бы хотелось сделать нам идеальное лето. Такое, о котором мы мечтали с детства. А тут опять не получится, придётся нам всё лето выживать.

– Выживем. А в следующем году поедем путешествовать.

Рия потушила окурок об асфальт, скомкала и запихнула

в карман.

– Да, думаю, для этого года мы путешествовали достаточно.

Я ухмыльнулась. Шутка не шутка: радостно, и печально от неё.

Надо было собираться домой, скоро конец рабочего дня, а значит повалит народ, и в крошечной лавке станет тесно. Тем более, если я приду раньше, у меня будет прекрасный шанс приготовить ужин из ничего.

Сообщила о своих планах Рие, она кивнула, пообещала украсть для нас немного чая.

– Во сколько ты будешь дома?

– Заканчиваю в девять.

Магазин снова готов принимать посетителей. Я обняла Рию на прощание, забрала скейтборд и снова пересекла город почти по тому же маршруту.

Мне лучше. Мне всегда лучше после общения, я не люблю оставаться одна, но и много внимания тоже не люблю. Для меня идеально молчать рядом с кем-то. Тихо, ненавязчиво, но чувствовать, что рядом живое и родное существо.

Выехала на оживленную улицу и вот: прямо на меня шёл тот самый пьянчуга. Какой тесный город! Он шатался, горланил песни и вообще пребывал в состоянии крайне нетрезвом.

Я же говорила, что ничего хорошего из подачки не полу-

чится!

Затормозила, хотя до него ещё далеко – он только приблизился к перекрестку, распевая «Выйду на поле с конем». Я искала стратегические пути к отступлению. Пьянчуга шёл вперёд и внезапно упал прямо на проезжую часть.

Я даже испугаться не успела, или броситься на помощь, как из-за угла вылетела

серебряная машина.

Визг тормозов.

Пьянчуга перелетел через капот.

Кто-то закричал: кажется, я.

Отбросив скейт, я побежала к лежащему на асфальте телу, а из машины выскочил водитель, причитая все божьи имена.

За пару секунд я оказалась рядом. Мужчина лежал лицом вниз, раскинув руки, и я понятия не имела, что делать. Вся информация с уроков ОБЖ вылетела из головы, остался только звенящий шум.

– Я вызову скорую, надо вызвать скорую, я сейчас позво-
ню... – причитал бедный (и довольно бледный) водитель.

От его слов я, наконец, вышла из ступора, села на колени, с третьей попытки нащупала у пострадавшего пульс. Потом заметила, что он дышит.

От сердца стремительно отлегло.

Обернулась и улыбнулась водителю. Пьянчуга застонал, сделал попытку подняться, из-за этого стал ещё краснее, чем раньше, и на губах вздымались пузыри.

– Я это... споткнулся... – пробормотал он.

Мне показалось, что его тошнит. Немного отодвинулась.

– Вы в порядке?

Подвывая, он перевернулся на спину. К нам подбежал водитель: бледный, как мел, он создавал почти комичный эмоциональный и цветовой контраст с пьянчужой.

– Боже, как ты тут вообще оказался?! Пустая дорога, ты вывалился из ниоткуда! Ты что, пьяный? Ты пьяный! Ты сломал себе что-нибудь? Нет? Слава богу! Я вызвал скорую, но могу отменить...

Дальше я не слушала. Терпеть не могу такие сцены разбирательств.

Отошла назад, стараясь абстрагироваться от криков, спряталась за сверкающей машиной и подобрала скейт. Переулок укрыл меня от чужих глаз и позволил сократить расстояние до дома.

День безнадежно испорчен. Мне потребуется очень много хорошей музыки, чтобы его исправить.

При попытке прослушать песню обнаружила, что один наушник сломался.

Чайник тихо засвистел. Я сидела на скрипучем стуле, положив подбородок на колени, смотрела за паром, слушала свист. За окном почти летний закат: особый, золотой, тёплый, он проникал в окна, выскивал летающие пылинки в воздухе и грел пол.

Он чудесен. К этому пейзажу очень не хватало звона колокольчиков, но они все остались в прошлом. Висят, небось, одиноко над форточкой в моей комнате, и никто их не гладит, чтобы вызвать тихий перезвон.

Чайник начинал мелко дрожать, и я, испугавшись, быстро выключила газ.

Как-то мне рассказали про существование ирландской кухни: это где ты, стоя на одном месте, можешь дотянуться до чего угодно – от холодильника до двери, а от двери – до плиты. Вот если судить по этому, то наша кухня – именно из далёкой зелёной страны леприконов. От плиты я могла и форточку открыть, и в холодильник заглянуть, и с дверного косяка полотенце снять. Не сказать, чтобы такие габариты были сильно комфортными, но всё лучше, чем ничего.

Налила кипяток в гранёный стакан – чашек у нас не было – предварительно положила в него ложку. Боялась, что лопнет. Знала, что вряд ли, а всё равно боялась. В некоторых случаях лучше перестраховаться, особенно, когда эти случаи касаются горячительных напитков. После, балансируя стаканом, я отправилась на заслуженный отдых в гостиную (она же спальня, она же зал, она же – единственная комната в квартире (не считая кухню и санузел)).

В комнате, такой же небольшой, как и кухня, мебель громоздилась друг на друга: огромный диван в нише, маленький шкаф (дверца держалась на одной петле, скотче и честном слове) и крохотный угловой стол, заваленный одеждой. Судя

по виду, эту мебель использовали ещё в качестве баррикад при войне с французами.

Я залезла на диван, забившись в уголок. Солнце рисовало ровный квадрат на обшарпанном паркете.

Почему-то пахло детством, возможно, из-за древности окружения. Ветер раскачивал деревья за окном, на подоконнике грустно доживал свой век кактус. Рука не поднималась облегчить его страдания: залив его водой, я лишь надеялась на лучшее.

Лёжа на животе, наблюдала за птицами. Безымянные крылатые вырисовывали в небе узоры, делали пики, ловили насекомых и радостно щебетали

Хотела бы я, чтобы у нас жила птица. Или кошка. Было бы не так одиноко.

Ноутбук загружался медленно, ультимативно заявлял, что прямо сейчас ему требуются обновления. Я разглядывала обои в цветочек, старалась выявить в узорах знакомые черты. Нашла выдру, велосипед, орла и сидящую девушку. Как только в узорах начал проглядываться дом – компьютер объявил о загрузке.

Не спеша что-либо предпринимать, я снова уставилась на птиц, находясь в таком противном состоянии, когда вроде бы много всего надо делать, но при этом ничего не хочется. Стыдно, печально, но это всё равно не дает мотивации шевелиться в нужную сторону.

Поэтому я решила покориться судьбе.

Я скинула с себя одежду и завернулась в кокон из одеяла. Сон медленно подкрадывался ко мне. Лёгкий, почти что летний, баюкающий теплом и спокойствием.

Включила случайную комедию, чтобы не загружаться, но при этом отвлечься, и тут же погрузилась в странный, яркий, нелепый мир заморских подростков, чьи проблемы сводятся только к взаимной, невзаимной или непонятой любви. У них чудесная лёгкая жизнь, и я немного им завидовала, хотя ни за что не хотела бы прожить такую же. Вот так же жить в доме с бассейном и жаловаться на отсутствие денег, иметь кукольное личико и критиковать свою внешность, отшивать поклонников и вздыхать, что нет «того самого». И всё это на фоне какой-нибудь солнечной Калифорнии.

В небе мелькнула птица и этот силуэт опозналса быстро: ласточка. Сидела за окном, глядела на меня чёрным влажным глазом и с любопытством крутила головой. Я подалась было вперёд, но гостя тут же упорхнула.

На паузу я не поставила, так что картонные герои фильма и их бездумные поступки ускользнули от моего внимания.

Я смотрела в окно и только в окно, на голубей и березу, на мирно плывущие облака, ждала нового появления ласточки. Но её не было.

И я предалась воспоминаниям: неделю назад ночь была тёплой, привокзальные часы отбили три – час призраков – а мы с Рией жались друг к другу, оглядывали совсем незна-

комый город и думали, как же быть дальше. Рия упала на асфальт – ещё теплый – и заплакала. Это был второй раз в жизни, когда я видела её плачущей. Я её обнимала, гладила по подстриженным волосам и смотрела на город: умоляла нас принять и спрятать.

Обычно я подступаю к незнакомым городам с нежностью, чуть ли не на цыпочках хожу, чтобы мягко ассимилироваться в их пространстве, но сейчас на это не было времени. Мы влетели в Краснокаменный с криком и, я надеюсь, он его услышал. Конечно, услышал, иначе как бы мы так спокойно провели ночь на лавочке, или так быстро нашли работу?

От сонного оцепенения я освободилась резко. Вздрыгнула, как пойманная котом мышь.

Мир вокруг совсем не изменился, разве что фильм теперь на другом моменте, но это и неважно, я всё равно потеряла нить повествования. Даже немного обидно, надо будет пересмотреть потом.

Часы показали четыре.

Рия пришла домой только в одиннадцать. Небо уже стало тёмно-сизым, с яркой полосой у горизонта.

Я бросилась к двери, как только услышала поворот ключа, по пути надевая тапочки.

На ужин приготовила гречку с жареным луком и селёдкой из банки. Какое-то стереотипное представление о бежен-

цах диктовало мне, что мы должны питаться именно так. Ну, к тому же это диктовал наш семейный бюджет.

Но это вкусно. Особенно если гречку тоже немного поджарить.

Кое-как мы разместились на кухоньке прямо под жёлтой лампой. Рия легла лицом в стол, листала новости на телефоне. Разговаривать она была не намерена, и на все мои расспросы о работе отвечала односложно: «угу», «ага» и, иногда, для разнообразия: «хорошо». Ела с ещё более равнодушным видом, чем обычно, сонно тыкалась носом прямо в гречку. Даже взгляда не поднимала, уткнулась в телефон и всё.

Я молча прикончила свою порцию и сидела, уставившись в окно. Там почти уже ночь, а завтра собеседование.

Помыв тарелку, я пошла спать. Рия всё ещё молчала.

Их кокона сновидений меня вызволили её руки.

– Кать! Катя! Ты спишь?

Я постаралась спастись, зарывшись поглубже в одеяло, но Рия настойчиво меня выкуривала, как лису из норы.

За окном торжествовала ночь. Слишком ясная, непривычно тёмная. Фонарь, расположенный под нашим окном, назойливо слепил глаза. С волос Рии капала вода, из одежды на ней были только футболка и трусы, и смотрела она на меня таким взглядом, будто я совершенно внезапно тут появилась и никто меня тут не ждал. От её обычного выражения

лица, выражающего только беспрерывную меланхолию, отличалось оно существенно.

Я протёрла глаза, укуталась в одеяло наподобие пончо. Не злилась. Если она что-то сделала – значит, так нужно.

Зевнула. В руках откуда-то взялся стакан с чаем.

– Кать, ты думаешь, мы правильно всё делаем?

В принципе, такой вопрос и ожидался. Я к нему пару дней готовилась. И знала, что ответить:

– А что нам ещё делать?

Рия сфокусировалась на моём ответе, наклонив голову вбок. Затем молча отобрала у меня половину одеяла и легла рядом. Подушек у нас не было, вместо них использовались свёрнутые в валики простыни и свитера.

Мы смотрели на потолок. Редкие проезжающие машины забрасывали к нам ярко-оранжевый цвет.

– Не хочу завтра на работу, – сказала она. – Хочу спать.

– Ну так спи сейчас.

– Сейчас не хочу, хочу утром.

– Ну, тут уж что поделать.

Очередная машина проехала мимо. Я натянула одеяло до подбородка.

– Боюсь завтра идти на собеседование.

– Я бы пошла с тобой, но у меня перерыв позже.

– Да я знаю, это я так... Вдруг если я это скажу вслух, кто-нибудь услышит и пойдет со мной.

Рия тихонько хихикнула, подвинулась чуть ближе.

– Те, кто живут в углах... – прошептала она мне на ухо.

Я взвизгнула и отскочила. Эта игра была с нами с самого детства, и, будучи мелкими оккультистами, мы придумали своих собственных демонов. На свою голову придумали, потом целый год не могли заснуть без света. Прозвали их «живущие в углах» и с энтузиазмом боялись. Призраки ушли, а шутки остались.

Белки Рииных глаз поблескивали чуть зловеще, как у хищника. А может, так только казалось из-за неуютной темы.

– Знаешь, я не думаю, что призраки мне очень помогут на собеседовании! – я отодвинулась от края на всякий случай. Чтобы зловещая лапа чудовища, в которого я, конечно же, не верила, не схватила за ногу.

Рия включила режим «эксперт по привидениям»:

– Ну, кто знает. Вдруг они подскажут что-то дельное, у них-то опыта побольше будет.

– А если они умерли не так давно, лет двадцать назад?

– Тогда они одного с тобой возраста и у вас одинаковые шансы получить эту должность.

– Подожди, так призрак тоже идет на собеседование? Я думала, он будет мне помогать!

– А это подлый призрак. Делает вид, что одно, а на самом деле другое.

– Ну и ну! А я ему доверилась.

– Вот и зря! Придется осыпать тебя солью, чтоб призрак не увязался следом и не узнал где горячие вакансии курье-

ров.

Мы рассмеялись. Тихо, прикрывая рты ладонями, будто кто-то мог нас услышать. Рия перевернула свою импровизированную подушку, чтоб попрохладнее было. Ужас! Я такого никогда не сделаю, я жуткий зяблик по природе своей. Такие, как мы, носят кучу свитеров и обкладываются котами во время ужина.

Подруга резко вскочила с кровати и подошла к окну задернуть кружевную тюль да покрепче закрыть створки, чтоб не дуло.

– На самом деле не волнуйся ты насчет завтра так, это всего лишь работа.

– Весь мир состоит из «всего лишь»! «Всего лишь коробка с дырками» – это квартира, если что. Всего лишь листья в горячей воде. Всего лишь неполадки в организме... А всё равно важно. Хоть и «всего лишь».

– Твоя правда.

Она отошла на кухню, вернулась со стаканом воды. Села на кровать и посмотрела на луну. Немного щурилась: зрение у неё было не очень хорошим, иногда она носила очки, но чаще – линзы.

Сна ни в одном глазу.

– Пойдем гулять?

Я забралась поглубже в одеяло.

– Так холодно же.

– Наденем, что потеплее.

– И рано вставать.

– Один раз можно пожертвовать сном.

Мои аргументы кончились. Да и бесполезно было что-нибудь предпринимать: Рия – она из породы бульдозеров, и если ей уж что-то пришло в голову...

Через десять минут мы уже были на улице. Нас окружала лишь тишина и желтый свет уличных фонарей.

Город засыпает, просыпается свиная мафия (хотя я жаворонок, но кто спрашивал).

Рия закурила. У меня промелькнула мысль, что на сигареты скоро не останется денег, но я её тут же отбросила: нельзя лишать людей их маленьких радостей, пусть даже таких противных, как курение.

Обернулась на наш дом. На все пять этажей горело лишь три окна. И правильно: вот где нормальные, спящие люди. Ночной ветер издевательски щекотал кожу, пахло сыростью и мокрой листвой.

Мы двинулись вдоль дома к основной улице, Новозвоной.

– Хоть будем знать, что есть в округе, – пояснила Рия, выбрасывая окурок в урну, – а то вдруг нам понадобится круглосуточный магазин или аптека, а мы не знаем.

– И, конечно же, мы их ни за что не найдём днём, они же боятся солнечного света.

Рия искоса глянула на меня. Мимо, пользуясь пустой дорогой, на полной скорости проехала машина.

– Брось, чего ты ворчишь.

– Ты на работе будешь сонной. А я просто волнуюсь перед собеседованием.

– Всё ещё?

– Угу. Смотри, вот и круглосуточный магазин. А аптеку посмотрим в интернете.

– Тебе холодно что ли?

– Холодно.

– Тогда садись на вертушку и возьми мою кофту.

Я – зяблик, а Рие всё время жарко, поэтому ветровку я взяла без споров.

В детскую карусель-тошнилку (так она зовется она в обиходе) я поместилась впритык, укуталась в кофту и уставилась в ночь, пытаясь побороть сонливость. Ночной холод сначала взбодрил меня, но теперь эффект пропал. В тепле кокона было уютно, пахло молодой травой и асфальтом. Рия ходила сзади, напевая.

– Я, кстати, сегодня познакомилась с ребятами.

Толчок ногой – карусель медленно закрутилась.

– Да? Какими?

Рия пожалала голыми плечами.

– Хорошими, я надеюсь. Они зашли в магазин после тебя и мы разболтались. Они студенты. Пригласили нас в выходные на пикник.

– И мы идём?

– Не знаю. Я с тобой советуюсь.

– Ммм...

Одно из поразительных свойств Рии: она может очаровать любого человека, абсолютно ничего для этого не делая. У неё лицо-то редко меняет выражение, а она всегда в центре внимания.

Одно из моих поразительных свойств: я абсолютно классическая серая мышь. Та самая, что в любых компаниях в углу в течение первых двух часов стоит да надеется, что её кто-нибудь заметит. А по истечении испытательного срока утыкается в книгу или телефон.

По этой причине подруга у меня только одна, а на вечеринках я не появляюсь.

– Давай доживём до выходных. Но если что, я просто посижу дома. Или на работе, тут как пойдет.

Рия подошла к карусели, перехватила поручень.

– Ничего страшного, если ты не захочешь.

Она же знает, что я не хочу. Не первый год знакомы, а она всё пытается меня куда-то вытащить. Это бесконечная война между нашими идеалами, Рия всегда выигрывает битвы, но ход сражения на моей стороне.

Но не всегда.

– Зато веселье у тебя всё равно будет.

Она сказала это как всегда ровным голосом, но я всё равно учуяла подвох. И правильно: подруга схватилась за сиденье карусели и толкнула его вперед. Смертоносная вертушка-тошнилка – изобретение дьявола – пришла в действие.

Мир закружился, ветер дыхнул мне в лицо. Ноги, во избежание травм, пришлось поджать.

– Рия, нет! Стой!

Но она лишь разогналась. Я вцепилась в поручни и, за неимением лучшего варианта, рассмеялась. Эта прохиндейка сделала тоже самое.

Наш смех растворился в ночи.

Глава вторая.

Трудности вакансий и скрипачей.

Не знаю, кто додумался до такой рекламы. Или кто заплатил за этот чудовищный плакат художнику: лица ужасающе улыбаются, взгляд исподлобья, фотошоп виден невооружённым взглядом. Мотивирует скорее сорвать со стены и сжечь, чем покупать предоставляемый товар.

Прихожая перед псевдо-кожаной дверью тоже зловеща: бирюзовые стены, тусклая лампочка мигает, на протёртом линолеуме подозрительные пятна. Страшно неуютно, до сих пор не представляю, как люди вообще в такие места заходить могут, не то что работать. Ремонт тут не делался лет сорок и кто знает, что за это время повидали стены...

Дверь угрожающе скрипнула, оттуда высунулась женщина.

– Праааайдёмте за мной, – протянула она гнусаво.

Макияж её явно накладывался в потёмках.

Мы вышли в длинный коридор, желтый и грязный. Гигантское тусклое окно еле-еле пропускало свет, зато голубое небо и красный забор вокруг города были отлично видны и представляли пейзаж, идеально подходящий для какой-нибудь советской фотографии с подписью «Труды советских работяг!» или «Да здравствует Краснокаменный – родина героического бобра!».

– Пшевеливайтесь.

Довольно грубо для работодателя. Мне даже расхотелось (ладно, я просто испугалась) идти дальше. Застыла на месте, после чего меня повторно поторопили. Ещё одна дверь хлопнула, от неё отлетел кусок штукатурки и облачко пыли. Плитка под кедами хрустела.

Войдя в комнату, я тут же влетела в стол. Очень тихо выругалась: что за ужасное место, то крохотные приёмные, то длиннющие коридоры, какой безумец это строил?

– Екатерина Морошкова? – обратился ко мне хмурый мужчина в костюме.

– Я, – мой голос звучал, как мяуканье котёнка.

– Присаживайтесь.

Тут я скорее шлепнулась на неудобное крутящееся кресло. Оно предательски просело. Лицо само по себе залилось румянцем.

– Такс... – он рассмотрел какие-то бумаги, – ваше резюме, конечно, не достаточно... впечатляющее. И опыт хромает. И навыки. Но, я думаю, мы, так уж и быть, возьмемся за вас

и сделаем приличного торгового представителя.

Я набрала в легкие побольше воздуха.

– Но я вообще не присылала вам резюме...

На секунду он растерялся.

– Эм.. ладно, должно быть, я взял не ту бумагу...

Липовые документы тут же полетели под стол. Мои пальцы нервно били по мягкой обивке стула. Конечно, это неприятно – такое начало, но надо держаться. Мне нужна работа, и я во что бы то ни стало её получу! Город маленький, вакансий немного, надо показать себя с лучшей стороны.

Предполагаемый работодатель наклонился над столом, будто желал мне поведать какой-то секрет. Он был весь красный, одутловатый и дышал тяжело. Думаю, пару десятков лет назад он точно был бандитом.

Пахло одеколоном «Москва».

– Так, а опыт-то есть?

– Ну, я раздавала листовки после уроков... А, ещё была няней по вечерам.

– Это не очень вам поможет в новой специальности.

– Ну, хоть что-то...

Каждый раз, когда я говорила с новыми людьми, голос превращался в шелест листьев. Этот диалог не стал исключением: удивительно, как начальник вообще меня слышал.

Он вздохнул. Потянулся. Выудил из вороха коробок пару случайных штук, протянул мне.

Внутри оказались маленькие тюбики с кремом. Каждый

из них пах бензином.

Улыбка у меня выходила фальшивой, а фальшивый интерес в глазах не мог обмануть и продавца-консультанта.

– Давно вы в городе? Как хорошо вы общаетесь с людьми?

Ох, кажется, он начал подозревать, что я полная неумеха!

Ну, к этому вопросу я готовилась.

– Всего пару дней, но я уже... Кхм, простите. У меня есть скейтборд и я успела неплохо изучить город...

– Вы же понимаете, что не можете доставлять наши товары на скейтборде! Это не представительно!

Я не нашла, чем приехать на маршрутке представительнее, чем на скейте, но спорить не стала.

Директор (наверное) тыкнул пальцем в один из тюбиков.

– Хорошо, давайте попробуем разыграть сценку. Продайте мне этот крем!

Я вгляделась в мелкие буквы, чтобы хоть знать товар. Надпись гласила «Основа под макияж». Понятия не имею, что это, но да ладно.

Есть у меня дурная привычка набирать полные лёгкие воздуха. И ещё при этом зажмуриваться, что совсем нехорошо. Но с этим поделаться ничего не могу, поэтому, проделав ритуал, я резким движением протянула тюбик директору и выпалила:

– Купите, пожалуйста, он очень хороший, честно!

Клянусь, он смотрел на меня как на слабоумную. Ничего, я бы тоже на себя так смотрела.

Но прежде, чем меня выгнали взащей, в дверь постучали.

– Я, вроде, никого больше не жду... – пробормотал директор, но потом крикнул:

– Войдите!

Скрип двери и вот: на пороге стоял тот самый человек, который накануне упрекнул меня в жадности. И который, если я не ошиблась, подставил Рию в магазине. Серый свитер, усталый взгляд.

Крошечный городок... Он работает тут? Или тоже пришёл продавать косметику?

– Да, вы что-то хотели? – спросил у него директор.

Мужчина ласково улыбнулся.

– Вам не душно здесь?

– Вы что, продаете кондиционеры? Нам не надо, у нас есть окно! Закончится дождь – проветрю.

Долго же ему придётся ждать! Ливень и не думал затихать: он стучал по стеклу, а ветер гнул еле-зеленые берёзы.

– Это хорошо, – улыбнулся господин, – но у меня нет кондиционеров. Я пришёл, чтобы поддержать эту милую девушку...

Меня?..

Взгляд директора как будто говорил: «Так вы сообщники. Разыскиваетесь в тридцати государствах. Я знал. Всё это время знал и подозревал».

Я поспешила исправить ситуацию:

– Простите, но я вас не знаю. Вы, наверное, ошиблись.

Мужчина выглядел расстроенным.

– Но как же, мы с вами виделись вчера.

– Это не то чтобы знакомство...

Я вся покраснела. Кто знает, может, для него переброситься парой слов с прохожим – это уже дружба навеки, а я это отрицаю? Он же пришел сюда ради меня! Должно быть увидел с улицы. И проследил. Так, это уже тревожно.

Пока я разбиралась в чувствах, директор беседовал с пришедшим господином:

– Вы очень невежливо вломились, я вас не приглашал, а девушка и без вас плохо справляется.

Конец. Это конец. Можно сразу уходить, прямо в грозу, лишь бы не слушать это дальше.

– Но как же! Она же обязательно научится! Она очень старательная, ведь ее три раза выгоняли с работ за неспособность разговаривать с людьми, а она всё равно пытается!

Я внутренне застонала, спрятала лицо в ладонях. Щёки пылали.

Какой позор.

– Вот как! – крикнул директор. – Тогда уходите оба, у меня успешная фирма, тут прохиндеи не нужны.

Голос его сипел, а лицо приобрело цвет перезрелого томата.

– Вы задыхаетесь, – спокойно констатировал незнакомец-испортивший-всё.

– Я вздохну свободно, когда вы уйдёте!

– Уйду, только позвольте помочь.

Я оторвала руки от лица. Ничем хорошим эта его фраза не заканчивается – это я уже поняла.

Вены на лбу директора вздулись.

– Мне не нужна ваша помощь! Настырный хам, убирайтесь прочь!

– Но я вижу, что вам плохо, поэтому я только сделаю хорошее дело...

Я успела только вскочить, но он оказался быстрее. Пересечь комнату он ухитрился за секунду, схватился за ручки и распахнул окно. Буря ворвалась внутрь, покрыла нас ледяной водой и смела вещи. Я отскочила вглубь, постаралась укрыться за шкафом, но ливень был коварен – будто шёл горизонтально.

– Прекратить безобразие! Прекратить! – орал директор, спасая со стола документы и пробники.

Набедокуривший мужчина словно бы сам испугался своего поступка: извинился и выбежал прочь. Мне показалось, что он смутился.

– Боже, ну не стой ты! Закрой окно!

Еле сообразила, что это директор кричал мне. Он отступал к спасительной суше, а мокрые занавески опасно трепетали, угрожая сорваться с карниза. Дождь и ветер завывали дуэтом. Приблизиться к ним не хотелось, но выбора не было.

– Сейчас...

Я закрылась руками, будто это хоть как-то могло меня спа-

сти. Шаг – и бриджи с майкой тут же промокли насквозь, прилипли к телу. Капли больно били по коже, словно маленькие льдинки. Ветер толкал меня назад, пришлось ухватиться за стол. Один рывок, и я у окна. Схватила за подоконник. Ручка рамы предательски выскальзывала из-под пальцев, дождь не давал дышать, и я хватала воздух ртом как рыба. Наконец, мне удалось сообразить, что я могу двигать всю раму и нажимать на неё плечом. Она поддалась.

Но перед тем, как закрыть окно, я успела посмотреть на город. Буря поглотила его полностью, делая пепельным и свирепым, но будто бы только до окраины, заканчиваясь прямо у каменной стены, а дальше свет падал прямо на лес, окрашивая его золотом, и это было так красиво, что я на миг забыла про злополучную раму, и ветер толкнул её прямо мне в лицо. Резкий удар, я отшатнулась назад, но тут же отомстила, резко надавив на стекло и крутанув ручку.

Маленькая победа человечества над механикой. Локальный ураган в комнате стих, но воды на полу накопилось знатно. Половина кабинета промокла напрочь, включая папки бумаг и ноутбук, про который все забыли.

Я стояла и не знала, что сказать. Вроде бы и не моя вина, а стыдно жутко. Будто я была ливнем или окном. Конечно, могла бы быть быстрее, но кто же знал, а ветер такой сильный...

Директор выглядел очень расстроенным. Он бродил по кабинету, собирая дешевые коробочки из-под косметики.

Упаковки расклеивались и тюбики со стуком падали на пол. Правда лицо у него приобрело более естественный оттенок, так что не сказать, чтобс выходка незнакомца не сработала: вдохнул начальник свободно.

Я вдохнула.

– Может, вам чем-нибудь помочь?

Директор посмотрел крайне недружелюбно:

– Вот ваш знакомый уже помог, спасибо, – яд с его слов можно сжевать, – давайте-ка вы лучше идите отсюда, пока ещё помощников не понабежало.

Я шагнула назад. Ничего. Я понимаю. Он расстроен.

– Но как же работа?

Зря я это сказала. Все тюбики разом рухнули на стол. Директор перевернул ноутбук и из того хлынули потоки воды. Голос его звучал громче ливня:

– Вы необязательны, неопытны и некомпетентны. За вами ходят какие-то странные люди и портят всё. Вы не умеете громко говорить и стоять на своём мнении. Вас три раза выгоняли, если верить словам этого... прохиндея! Вы мямлите! В конце концов, плохо знаете город! Нет уж, торговым представителем я к себе не возьму, у нас слишком хорошая продукция для таких сотрудников. Попытайте счастья в промутерах, вам там самое место!

Резко отвернулся, продемонстрировал алеющую шею. Я секунду переваривала сказанное, развернулась и вышла в коридор. В кедах мерзко хлопало, подошва скользила по полу,

а в душе вертелся неприятный клубок, подступал к горлу. Глаза предательски щипало.

Носок скользнул по кафелю. Секунда полёта, отозвавшаяся холодом в позвоночнике, и вот: сильный удар коленом об пол. Боль волной прошла по ноге, вчерашний пластырь оторвался.

Тут я заплакала.

Старалась себя уговорить, отругать, внушить, что не из-за чего так расстраиваться, но слёзы всё лились и лились, словно тот самый дождь в комнате. Просто я

Очень

Устала.

Плакала я очень некрасиво: задыхалась, всхлипывала, размазывала слёзы по щекам, не видела ничего вокруг. Кое-как поднялась по стенке, побрела дальше по коридору, изредка останавливалась уткнуться лбом в стену и надеялась, что мои завывания не слышал тот многострадальный директор.

Прошла в приёмную, прикрыла глаза рукой, чтобы женщина с дурацким макияжем не заметила. Но она всё равно, кажется, увидела, потому что неопределенно хмыкнула, когда я забирала скейт.

Здание покинула быстро: выбежала под дождь, прижимая скейт к груди, да так и застыла на месте. С каждой секундой я мокла всё сильнее и сильнее.

Слёзы повторно сжали горло.

Как же я устала в этой взрослой жизни. Никто – ни один учитель – не сказал, что вырастать так нелепо и непонятно. Я не знала, что делать, я не знала, как жить, как реагировать. Что мне делать без работы, как её найти, что делать, если нас найдут, что делать, если... Я не знала, как нам выжить, и я слишком слаба, чтоб узнавать. Вот бы кто-нибудь пришёл и дал инструкцию, а то вся жизнь – бесконечные жмурки.

Села под фонарь, который лихо спрятался под козырьком и грелся в сухости. Одежда промокла безнадежно. Я мелко дрожала и глубоко дышала, старалась собраться с силами и поехать домой.

Чтобы заглушить поток мыслей достала из сумки плеер и включила одну из «дождливых» песен. Она началась медленно, протяжно, а мне нужен был звук, так что я нажала на кнопку перемотки, но два раза, включив случайный трек.

«Пой мне ещё».

Опять ловлю ритм, мелодию, смысл. Закрыла глаза и позволила себе полностью раствориться в музыке.

Дождь и не думал успокаиваться, но дышать стало легче, предательские слёзы сдались и отступили, оставив чувство усталости. Я вытерла лицо мокрой ладонью, глянула на отражение в луже. Да уж, красавица: нос красный, глаза опухшие, на голове – горелая солома. По коленке опять струилась кровь, все ноги мокрые и грязные. Надо было добраться до дома, пока не начался новый приступ нытья и саможаления.

Укрываться от дождя бесполезно: он уже меня настиг. Я решила принять судьбу, сунула скейт подмышку и отправилась под природный душ. Улицы оказались темны и пустынные, глаза заливала вода и била по коже.

Этот странный мир сейчас постигнет великий потоп. Опять.

Если доберусь до остановки – появится шанс добраться до дома на автобусе и не заболеть!

На это были все мои надежды – только дураки и неудачники болеют пол-лета, а каждый год я оказывалась в этом злополучном списке.

Небо над городом гневалось и грохотало. Молния сверкнула, и я вспомнила, что она может попасть в меня, потому ускорила.

Ливень бил по лицу, но впереди уже виднелась спасительная остановка. Влетела я туда на полной скорости, запнулась о порожек. Скейт выскользнул из рук и улетел вперед, я же по инерции сделала пару шагов под крышу, ухватилась за балку и прижалась к ней, радуясь тому, что на меня больше не выливается ушат воды за одну секунду. Снова прогремел раскат грома.

И тут же поняла, что тут не одна.

Я, вообще-то, не жадная. Особенно мне не жалко делиться убежищами во время грозы, но вот незнакомые люди на-

прыгают. А в особенности – очень странные незнакомые люди... В таких случаях я предпочитаю вернуться под дождь, а не стоять в неловком молчании, гадая, стоит ли вежливо заговорить про погоду, или нет. Но мой скейт лежал на ботинках незваного соседа, так что деваться было некуда.

Ботинки у него кожаные, явно слишком жаркие для мая. Их прикрывал подол плаща, чересчур массивного. Лицо пряталось за широкополой шляпой, и мне видно лишь длинные волосы, слишком мокрые, чтобы угадать их цвет. Он (она?) не двигался и, кажется, вообще уснул. Я осторожно подошла ближе, дабы не побеспокоить незнакомца и забрать свой транспорт, не привлекая внимания.

Тихонько наклонилась, невнятно пробормотала слова извинения, ничего не услышала в ответ и порадовалась: значит, спит! Прижав к себе скейт (он был мокрый и противный, но и я тоже), отступила назад. Но тут меня уколола шальная игла любопытства: что это за человек, раз умудрился отрубиться в такую погоду в таком неудобном месте? Наклонилась и заглянула под шляпу.

Вздрогнула, потому что разглядела блеск глаз, но быстро поняла, что на меня они не реагируют. Парень (а это был, несомненно, парень), кажется, вообще не соображал, что под ним вертится земля, над головой сокрушает небо гром, а мир вокруг существует. Его взгляд был устремлен в себя или в никуда, не знаю. Я, словно воришка, воспользовалась его забвением и украдкой рассмотрела, делая вид, что вожусь

с колёсами скейтборда.

Он был красив. В моём понимании, конечно. Рие бы не понравился: довольно худощав, с резкими чертами лица и длинными песочными волосами, собранными в хвост.

Отвела от него взгляд, посмотрела в дождь. Нет, не пойду. Конечно, незнакомый парень в трансе – подозрительно, но мокнуть ещё больше я не хочу.

Я поднялась. Осторожно приблизилась к сидениям – ноль внимания. Села на противоположный край скамьи

Дождь мерно барабанил по крыше. Машины упрямо двигались вперёд, но даже они не перебивали грохот капель. Запах мокрого асфальта навевал воспоминания о детстве, кожа на ногах и руках покрылась мелкими мурашками. Вот бы сейчас под одеяло и горячий чай! Но нет, только я, дождь, и странный парень справа.

Мы с ним сидели бок о бок, и я почти не боялась.

Мимо проехал автобус, игнорируя все обстоятельства и пассажиров.

Я тихо выругалась и это, словно заклинание, сработало: парень дёрнулся, ошарашено посмотрел на меня. Сим-сала-бим.

– Здравствуйте? – спросил он чуть хриплым голосом.

А я, конечно же, не нашла ничего лучше, чем ответить на это:

– Наверное.

Отвернулась, краснея и проклиная себя за глупость и ду-

рацкое поведение.

Мы молчали. По дороге изредка проезжали машины, уютному мигая фарами и стряхивая капли дождя с лобовых стекол.

– Хорошо, что пошёл дождь, – неожиданно заявил мне незнакомец. – Мне было слишком жарко.

Я повернулась к нему, а он посмотрел прямо на меня. Он был похож на лиса из «Маленького принца», только в плаще и шляпе. Забавный такой, лёгкая улыбка так и светится верой в лучшее. Только вот глядел не моргая, что немного обескураживало.

Его глаза были жёлтого цвета, как два одуванчика.

– Должно быть, вам было так жарко из-за плаща и шляпы.

– А ведь и правда.

Он стянул с себя верхнюю одежду, повесил плащ на изгиб руки, а шляпу небрежно сунул подмышку. Встал, протянул мне ладонь.

– Пойдёмте!

Я вцепилась в лавочку.

– Куда?..

Он рассеянно посмотрел на меня. Вообще рассеянность – это, кажется, его коронное выражение лица.

– Мммм... не знаю... А куда вам надо? Автобуса всё равно вряд ли дождёмся. О, смотрите как забавно, «дождёмся» – это будто бы от слова «дождь» – я никогда раньше не замечал. А вы? Подходит к нашей ситуации, не так ли?

Меня била крупная дрожь, спасибо за это майскому ливню. Вариантов к действию было немного.

Ещё раз оценила парня в качестве провожатого. Оценила его странное поведение. Оценила собственный горячий лоб. Вспомнила всё, что мы с Рией слышали на уроках ОБЖ.

– Знаете, в чём-то вы правы, я, конечно, дойду, но не думаю, что нам по пути. Но спасибо вам за предложение.

Он нахмурился, а я, пробормотав «досвидания», подхватила скейт и выбежала под дождь. Уж лучше намокнуть, чем якшаться с каким-то мутным типом (золотое правило моей мамы). Оборачиваться я не стала: чего доброго, увяжется.

Было так холодно, что даже тепло, «предсмертная стадия», как говорила Рия. Я мчалась по улицам как мокрая кошка от погони, почти не разбирала дороги, но твёрдо знала, где дом. Грозовой город манил тёплыми окнами кофейен и магазинов, но, к сожалению, у меня не было ни монеты, чтобы там остановиться. За поворотом началась та самая улица, мощеная камнем. Пока была на скейте проклинала её, а сейчас могла преодолеть пешком, по щиколотку утопая в лужах. Редкие прохожие под зонтиками сочувственно смотрели на меня, а я старалась не глядеть на них, опустив голову.

Ещё немного и буду дома, последний рывок... Ну ладно, предпоследний, но всё же.

Сквозь дождь послышался звук скрипки. Казалось бы, совсем неуместный, но мелодия приносила в бурю гармонию.

Скрипка слышалась откуда-то из переулка, где была лишь старая детская площадка.

Щелчок – зажглись уличные фонари! И в их свете я увидела скрипача.

Он стоял в небольшой беседке, расположенной во дворе обыкновенной кирпичной пятиэтажки. Беседка была белой, скрипач – тоже. Светлая футболка, спортивные штаны, мокрые белёсые волосы, тонкие пальцы сжимали струны и мягко направляли смычок. Я застыла, игнорируя дождь. Мелодия завораживала и притягивала, хотелось сесть рядом, пригнуться и слушать эту странный концерт прямо здесь, посреди дождя, в этой маленькой вечности.

Уже было сделала шаг навстречу, но резко одернула себя. Что происходит? Я только что смылась от странного незнакомца и иду к другому? Откуда у меня столько наглости? Нет уж, простите, господин скрипач, я пойду своей дорогой, не буду людям мешаться.

Скрипка вывела ещё один мелодичный пассаж, напоминающий о доме, человеческом тепле и о чём-то недоступном, но бесконечно хорошем.

Может, всё же подойти? Музыкант так зачарован собственной игрой, что, возможно, даже меня не заметит... И я же никуда с ним не иду, я тихо сяду рядом – это совершенно другое!

Так. Ладно. Послушаю немного. Ничего не будет.

Собрав всю свою смелость и наглость, я неуверенно дви-

нулась к скрипачу. Замерла.

Скрипка то набирала, то сбрасывала темп, играла самыми яркими красками дня.

А, может, всё-таки не надо?.. Нет! Мне нужно быть смелее!

Я останавливалась раза три. Должно быть, со стороны выглядело очень нелепо: как любопытная птица пытается добраться до угощения, но боится кота, так и я рывками добиралась до беседки.

Когда я почти дошла, не чувствуя ни холода, ни разума, я слушала одну лишь скрипку и до неё оставалось пройти несчастные пару метров, но чьи-то руки схватили меня за плечи. От испуга я рванулась назад, затем вперед, постаралась вырваться, но бестолку: хватчик крепко вцепился в меня, я даже не могла развернуться. Меня охватила паника, дождь заливал глаза.

– Отпустите! – совсем-не-угрожающе пискнула я

И резко обернулась, врезав хватчика локтём под рёбра. Он охнул, согнулся напополам, что-то сказал, но, не став медлить или дослушивать, я пнула его в лодыжку.

Незнакомец взвыл, хватка разжалась, и я бросилась прочь. Сердце бешено колотилось, только раз мне хватило смелости обернуться, но кроме скрипача там никого не было. Всё произошло за считанные секунды, я даже не успела его разглядеть!

Побежала быстрее. А вдруг он уже рядом?.. Горло сжима-

ло рукой страха, желудок скрутило.

Насквозь пролетела три мелкие улочки, проклиная крупные камни и мокрую грязь, из-за которой тут не поедешь на колёсах. Вылетев на проспект, я оказалась аккурат у автобуса, вскочила внутрь, не зная, куда он идёт, и рухнула на сиденье, стараясь отдышаться.

В боку кололо, дрожала я так, словно сама была автобусным мотором. Хватала ртом воздух.

Что это было? Может, Денис? Нет, вряд ли. Но зря я пошла в тёмный переулок одна, соблазнившись звуками музыки, это, конечно, было глупо, очень глупо. Сегодняшний день – просто апофеоз моих дурацких выходов.

– Привет! – крикнули мне на ухо.

Я вздрогнула, прижалась к стеклу. Этот вечер доведет меня либо до сердечного приступа, либо до истерии.

На соседнем кресле полусидел-полустоял тот самый длинноволосый парень с остановки. На пол с него нещадно капало, а сам он улыбался.

– Представляешь, я ошибся, автобус всё-таки приехал. Удачно, что ты тоже его поймала, – протараторил он.

А я была готова расплакаться.

Это всё нервы, просто нервы.

Свернувшись в клубок на мокром сиденье автобуса, постаралась вжаться в него, отвернулась к мокрому стеклу.

– Вы меня слышите? – не унимался незнакомец.

Я посмотрела на его отражение. Знала, что невежливо

игнорировать, но так хотелось, чтоб он ушёл, исчез, отстал. Желание нагрубить придавливалось природной вежливостью.

– Я вас слышу, я просто не хочу с вами разговаривать, извините, – отчеканила я.

Автобус проехал мимо фонаря. В окне сперва отражалась только фигура парня, но затем рядом с которой возникла вторая.

– За проезд, – гнусаво сказала она.

Я насчитала пятнадцать рублёвых монет и так же, не поворачиваясь, протянула контролеру. Судя по звукам, парень сделал тоже самое.

Расписание гласило, что автобус идёт аккуратно до соседней с домом улицы.

Пять минут, всего пять минут, и я избавлюсь и от назойливого попутчика, и от саднящих колен, и от мокрой одежды. Укутаюсь в одеяло, заварю мятного чая и приму горячий душ.

А вот незнакомец, кажется, решил за пять минут наверстать все года, что мы не были знакомы:

– Знаете, мне кажется, что в вашей жизни всё не так хорошо, как вам бы хотелось.

Вот тут он мне надоел окончательно. У меня появилась смелая мысль встать и пересесть, задев его какой-нибудь колкой фразой, но, во-первых, он перегораживал выход, а во-вторых, фразу я бы придумала только к июлю. Поэто-

му я сказала смутное «угум» и понадеялась, что мы доедем быстрее.

– А ещё, знаете, от вас такое чувство, будто вы вот всегда под дождём. Все время так. Будто что-то отстранённое есть. Неправильное это, не ваше. Вы же совсем не одиноки.

От этих его, якобы успокаивающих слов, я только ещё больше напряглась: откуда он знает? Цыган что ли? В гадания я не верила, но автопортрет составляла примерно такими же метафорами.

Но вместо того, чтоб спросить у него о причинах, лишь повторила:

– Угум.

– А вообще, не стоит так переживать. Это всё дело второстепенное. Не жизнь, а всё остальное. Простите, если кажусь вам назойливым, просто судьба уже второй раз сталкивает нас вместе, я склонен судьбе верить.

Я повернулась к нему, мокрые волосы хлестнули по плечам. Наши глаза встретились – мои серые и его жёлтые – и в душе, как ржавая гайка, повернулась злоба.

– А я ей не верю.

Незнакомец моргнул. Совсем как сова.

– Вот как.

– Угу.

– Она и обидеться может.

Знала, что это глупость, а всё равно немного занервничала: не люблю кого-то обижать или расстраивать.

Автобус затормозил на нужной остановке.

– Ох, мне пора!

Я вскочила и протиснулась мимо парня, развернулась, держась за поручень и выскочила наружу, перепрыгнув через ступеньки. Дождь окатил меня мгновенно, двери автобуса с шипением начали закрываться.

Надо хоть попрощаться с незнакомым парнем, а то невежливо выходит, я и так с ним грубо обращалась.

Но, повернувшись, я не увидела его в окне отъезжающего транспорта. Странно. Должно быть, он пересел.

Автобус в последний раз моргнул тёплыми окнами и скрылся за поворотом.

Если я не ошиблась (а я надеялась, что это не так), то мне нужно было пересечь всего одну улицу и немного проехать левее, завернуть во двор,

Последний рывок.

Бам! Я врезалась прямо в навязчивого незнакомца.

Да что же это такое!

Он стоял, чуть склонив голову, и смотрел так, будто видит впервые. Легко улыбался.

– Пожалуйста, – отчаянно прохныкала я, – отстаньте от меня. Я просто хочу добраться до дома.

Движением фокусника он распахнул над нашими головами плащ. Дождь разочарованно забарабанил по ткани, не в силах преодолеть преграду.

– Ну, так я вам в этом помогу!

Пару секунд глазела на этот чудо-зонт, затем отступила на шаг. Может, стоило позвонить Рие? Говорят, маньяки боятся, если сообщить о себе перед похищением. А не спровоцирует ли это его?

– Пожалуйста, не надо. Я всё равно с вами никуда не пойду, не буду знакомиться.

Он ещё сильнее наклонил голову. Как любопытный пёс. В небе сверкнула молния и отразилась в его зрачках.

– Вы меня боитесь?

Ещё один шаг назад.

– Да.

Он поджал губы. Зажмурился и снова улыбнулся.

– Я понимаю. Наверное, я бы тоже испугался. Ну, ничего, всякое бывает. Тогда возьмите, пожалуйста, плащ. Я знаю, вы смутитесь, если это будет подарок, а значит – это не подарок. Я вам просто его одолжу на неопределённый срок, а заберу как-нибудь попозже.

Он аккуратно повесил плащ мне на голову и чуть отошёл, дабы полюбоваться результатом. Я стояла, оторопев, глядя на него через плащ как через шторы. Одежда была тёплой, сухой и пахла горькой травой.

Спросила:

– Но как же вы?

Помятая жизнью шляпа чудным образом оказалась на его голове.

– У меня есть шляпа. Для хорошей прогулки достаточно.

Резко развернувшись на каблуках, парень, насвистывая, побрел в пелену ливня.

Я смотрела ему вслед недолго, пока дождь не скрыл его совсем, а холодный ветер не заставил меня двигаться.

Сначала мой путь изменился: свернула в другой двор, скрылась под козырьком подъезда, убедилась, что никто за мной не идет, и пошла верной дорогой.

Ехать на скейтборде и удерживать плащ было нереально, поэтому шла пешком, да и колёса портить не хотелось. Под защитой было хорошо, может даже было бы уютно, будь я изначально сухой, но такой роскоши мне жизнь не оставила.

Я петляла между домами, переступала через зеленые заборчики, огибала разноцветные детские площадки. Наконец, показался наш дом.

На третий этаж взобралась медленно, оставила за собой лужи. Было бы стыдно перед уборщицей, не будь я такая уставшая.

Наша маленькая прихожая показалась спасительным островком надежды.

Рия выглянула из-за угла. Помолчала, оценив масштаб катастрофы, скрылась и вынырнула снова уже с нашим единственным полотенцем.

– Быстро под горячий душ, я пока приготовлю чай.

– Я думала, ты на работе.

– Сегодня под вечер поставка приехала, там менеджеры рулят, вот и отпустили меня пораньше. Брысь мыться!

Я юркнула в ванную, на ходу скидывая одежду.

Чай остывал, отправляя к потолку тёплые облачка. Дождь и не думал униматься. Лампочка тихо гудела, освещая всю комнату жёлтым. Я сидела в коконе из одеяла, положив на ноги подушку, и ела вчерашнюю гречку с луком. Еда была пересоленной, и в ней явно не хватало специй, но всё равно очень вкусной.

Рия сидела рядом, обдумывала мой рассказ.

– Мда уж. Паршивое местечко, и хорошо, что тебя туда не приняли.

Я пожала плечами.

– Нам нужны деньги.

– Добудем.

– У тебя завтра выходной?

– Ага. Будем спать до обеда, а потом поищем вакансии, чтобы ты не волновалась.

Я не волновалась. Я переживала.

– А плащ? Как я верну ему плащ?

– Парнише-то этому? Слушай, ну он сам тебе его отдал. Получается и проблемы его, ты не обязана волноваться по этому поводу.

Но чтобы я перестала волноваться не достаточно одобри-тельных слов, к сожалению. У меня даже прозвище из-за этого было в детстве, Рией же и данное...

– Волнушка, – улыбнулась она, подливая кипяток в чай и бесстыдно читая мои мысли.

Да, именно это.

Мне хотелось поведать ей об инциденте в переулке, о подозрении на Дениса, но я промолчала. Легче мне от этого не станет, а Рию может расстроить. Конечно, внешне она этого не покажет, но я слишком хорошо её знаю.

Подруга потянулась за ноутбуком:

– Давай что-нибудь посмотрим.

Рия любит либо триллеры, либо романтические комедии. Иногда она каким-то хитрым образом находит сочетание этих двух жанров.

А я смотрю что угодно, лишь бы не фильмы ужасов. Их я переносить не могу. Хотя тогда я слишком устала, чтобы оспаривать её выбор: «Кошмар на улице вязов 10».

Глава третья.

Гранатовый сок.

Я всегда просыпаюсь раньше Рии, почти на рассвете. Это мой крест среди подростковых компаний, где все любят нежиться до обеда в постелях, ворчать на несправедливый режим, глушить печаль кофе и бесконечно обсуждать свою усталость. А я с первыми лучами солнца на ногах и поддержать ворчание не могу. Как-то в детстве повадилась петь вместе с петухами, чтобы хоть как-то быть причастной к местному распорядку дня. План был хорош, я даже в курятник залезла, да вот только петуху это не понравилось. Бой

был недолгим, и с тех пор у меня на лбу, прямо у линии волос, небольшой шрам.

А вот сейчас, в городе, никаких петухов, только шум машин и гомон людей.

Я села на кровати, зевнула. Рия поморщилась, отвернулась к стене, зарылась в одеяло с головой.

Мир щебетал и сиял. Гроза кончилась ночью, земля умылась и теперь, свежая и чистая, была готова жить.

– Доброе утро! – сказала я миру беззвучно.

Отправилась проводить ежедневный ритуал «сделай из себя человека». Половицы отзывались скрипом на шаги, а я ругала каждую из них за это. По счастью, спит Рия всегда крепко.

На кухне победила обшарпанную раму, распахнула окно. Май дыхнул на меня цветами и мокрой травой. Белое солнце пробивалось сквозь молодые листья, нежные бутоны и паутину ветвей.

Одежда всё ещё не высохла, Риина была мне велика, а из собственного в рюкзаке лежало только ситцевое платье в цветочек. Не совсем то для катания на скейтборде. Зачем я вообще его взяла? Вот так я непрактично сбегала из города. Надо было хоть джинсы прихватить.

Ничего, пройдусь пешком, надо же из чего-то сварганить завтрак.

Чайнику пришлось остаться холодным. Мои кеды были сухими: по счастью, Рия додумалась положить туда газеты,

которые мы вытащили из соседских ящиков.

Тихо повернулся ключ в замке, и я бегом спустилась вниз, вдоль зеленых стен под пыльными подъездными окнами. Идти было недалеко: небольшой магазин располагался через три двора, на первом этаже жилого дома.

Тут было непривычно: большой город приучил меня к тому, что можно взять все покупки, особо ни с кем не общаясь, и молча оплатить всё на кассе. Здесь же пришлось подходить к каждому отделу и робко просить нужные товары, постоянно уточняя, нельзя ли взять у них всё сразу и получая отказ. Так мне пришлось делать отдельные заходы за молоком и яйцами и за хлебом с сыром. Да ещё и заново отстоять в очереди за спичками.

Кое-как уместив все покупки в руках и тут же пожалев об этом, я собралась было уходить, но услышала слабый голос, явно принадлежащий какому-то седовласому божьему одуванчику.

– Ох, мне не хватает...

Остановилась у дверей. Зажмурилась. Так, у нас у самих мало денег. Этот мир большой и щедрый, кто-нибудь ещё точно поможет.

Небольшой шаг в сторону выхода и разговор за спиной:

– Сколько?

– Рублей тридцать.

– Ну, что же делать, в другой раз.

– Ох, ну как же так, идти так далеко, тяжело...

– Но рубль бы ещё занесли, ну десять, но тридцать!

– Ладно, чего уж, без хлеба обойдусь.

Я развернулась. Бабуля была самая классическая: в за-саленном свитере, цветочном платке, покрывающем голову, и с пакетом, который, по-видимому, был её верным спутником на протяжении всей жизни. На ладони лежала горсть монет, мозолистые пальцы перебирали её, будто недостающая сумма могла появиться из ниоткуда.

Боже, это всего лишь тридцать рублей! С одной стороны – почти два проезда на автобусе, с другой – копейки.

– Вот, возьмите, пожалуйста.

Голос мой, как всегда, шелестел. Конечно же, бабушка не расслышала и, посмотрев на меня слезящимися от старости глазами, переспросила:

– Ась?

Я протянула деньги:

– Возьмите, пожалуйста, тут тридцать рублей.

Бабушка приняла их дрожащими руками.

– Ох, доченька, дай тебе Бог здоровья, выручила как старую! Будет у меня сегодня обед, благодаря тебе, золотая! Счастья тебе, много счастья сегодня! Троекратно вернётся, обещаю.

– Да не за что...

Продавщица выдохнула, отёрнула синий фартук и улыбнулась, доставая хлеб.

– Ну и славно. А то знаете, вчера меня так уговорил один

человек дать бабушке... другой бабушке, вы не подумайте, две пачки макарон в долг на сто рублей. В итоге она пропала, а у меня штраф и выговор. Не то, чтоб сумма большая, но некрасиво как-то вышло, что ли.

Во мне зародилось нехорошее подозрение.

– А как выглядел это человек?

– Ну, как-как... Такой обыкновенный товарищ, пожилой, вежливый. Дай-ка вспомнить... Костюм у него такой твидовый был, а волосы седые вроде.

Он. Точно он. Что же это за местный активист такой?

Поблагодарила продавщицу, попрощалась с бабушкой. Солнце уже распалилось и прогрело город, я шагала по тротуару и наблюдала за людьми. Маленькие города отличаются своей неспешностью: люди потихоньку добираются до работы, наслаждаясь дорогой и погодой, а те, что остаются дома, тихо занимаются делами, не создавая лишней суеты. Полосатые коты лениво потягиваются на заборах, голуби и не думают разлетаться из-под ног. Само время, кажется, тут никуда не спешит.

Через несколько минут я уже дошла до дома, а Рия всё ещё спала.

Я принялась хозяйничать: поставила чайник, включила тихо-тихо на ноутбуке музыку и приступила к приготовлению завтрака.

Пока фасоль, хлеб и яйца по очереди жарились на сковороде, просматривала сайт вакансий.

Вообще я очень ответственный человек. В школе была отличницей, да и сейчас бы в институте хорошо училась, если бы не обстоятельства. Ну, мне кажется так. Но вот с общением мне не везет, особенно на тех работах, где требуются молодые люди. Такие вакансии в народе называются «втюхиватели». Это когда заходишь в магазин, а тебя начинают хватать за руки, вещать о скидках, совать товар в руки, жужжать в уши... Убегаешь из такого магазина быстрее, чем продавец успевает сказать «акция», но у продавцов самих в глазах такая усталость, что волей-неволей слушаешь, лишь бы не обидеть человека, но надеешься не оказаться на их месте. Но на рынке труда только такие и требуются.

И у меня опять чувство, что мне в жизненной системе нет места.

В соседней комнате послышалась возня. Рия заглянула на кухню. Волосы её июньским одуванчиком топорщились вокруг головы.

– Доброе утро.

Рия широко зевнула вместо приветствия, затем скрылась в ванной.

Огромные облака за грязным окном (надо помыть!) плыли как паруса по морю. Медленно, грациозно, завораживающие. Один за другим корабли выходят из гавани...

Зазвонил телефон. Я с опаской взглянула на дисплей, но это всего лишь мама. Чёрт, я давно с ней не связывалась.

Настроив свой самый прилежный голос (я-сделала-уро-

ки-и-помыла-посуду), подняла трубку:

– Привет, мам!

– Катя! Ты целую неделю не звонила, у тебя всё в порядке?

Я же вся на нервах!

– Да, мам, всё нормально. Просто скоро сессия, вот я и бегаю как белка в колесе.

– А, ну это понятно! И как, много автоматов? У тебя одни пятёрки будут? Есть долги?

– Да, да, нет.

– А как в общежитие? Девочки тебя не обижают?

Я прислушалась к звуку душа. Сойдёт.

– Нет, всё хорошо, живём дружно, я как раз жду своей очереди в душ.

– Ну и славно. Кушаешь...

– Да, мам, ем нормально. Как папа?

– Отлично, у него как раз конференция только что прошла. А ещё мы всё-таки купили участок по дачу, начнём строить дом! Точнее, мы его закажем. Как приедешь на лето – возможно уже сможем съездить посмотреть. У тебя когда всё заканчивается?

– В июле... Возможно у нас будет поездка с курсом, поэтому я задержусь. Но это пока неточно. Я ещё на работу хочу устроиться.

– Вот это ты молодец! А кем? В магазин, как Маша?

– Нет, думаю, курьером.

– А... ну да, наверное продавать – это не твое. Это Маша

могла уговорить кого угодно, а ты у меня больше... в книжках.

– Угу.

Я ещё пару минут рассказывала маме, какие предметы я сдаю, какие хорошие у нас преподаватели. Очень мило с ней попрощалась, пообещала оповещать о всех новостях моей жизни и на всякий случай ещё сфотографировала мой сытный завтрак – она всё равно не знает, как выглядит общий стол. Мама восхитилась тем, что питаюсь я хорошо и не пью кофе (хотя я почти никогда не пью кофе, но для мамы это не важно, главное, что я не травлюсь).

А когда разговор, наконец, закончился... Было бы хорошо сказать, что у меня камень с души упал, но это не так. Я чувствовала себя ужасно, будто сижу на троне лжи. Она дала на плечи и шептала в ухо: «а что будет, если мама узнает? что ты не учишься нигде и тратишь свою жизнь в жалком захолустье? что ты понятия не имеешь, чем хочешь заниматься?»

Пришлось потряхнуть пару раз головой, чтобы отбросить эти мысли.

Звук воды в ванной перешёл в звук шлёпанья по кафелю. Рия явилась, завёрнутая в полотенце, ну прям шаурма на ножках.

– С кем ты говорила?

– С мамой.

– Оу... И как? Рассказала?

– Ага, рассказала. Что у меня заканчивается семестр, скоро сессия, а общажная жизнь прельщает меня всё так же, как раньше. Все мои восемь соседок очень радуют, тараканы не докучают, все преподаватели с автоматами.

– Какая чудная неправда.

– Угу. Но тебе передавали привет.

– А вот это приятно.

Взяв в зубы бутерброд, Рия отошла обратно в комнату. Вернулась с ноутбуком. Я расчистила под него место.

Завтрак прошёл хорошо: мы смотрели какой-то незапоминающийся, но смешной ситком, обходили квартиру, составляли план, как её обставить. Результаты экспертизы были неутешительными: обои кое-где совсем отвалились, а уют здесь бы почувствовал только тот, кто до этого жил в картонной коробке. Рия позвонила хозяйке, запросив разрешения на ремонт. Та дала добро.

– Что ж, теперь надо уложиться в бюджет.

Пересчет финансов тоже не принёс утешения: девятнадцать тысяч пятьсот двадцать три рубля на двоих до неизвестных времен. Гора денег (если бы гора!) лежала посередине стола. Мы хмуро смотрели на неё. Монеты издевательски блестели.

– Ну, в принципе жить можно, – вздохнула я.

– Жить и охотой можно. Время выращивать помидоры на окнах! – Рия оглянулась, прикинув ширину подоконников.

– У нас с тобой и кактусы сохнут, последний герой на подоконнике помирает, что уж тут говорить об огороде.

Вздых. Время переползло полдень.

Рия открыла форточку.

– Пойдём купим все для дома. Заодно прогуляемся.

– Но мне нужно искать работу.

Подруга скинула полотенце и принялась рыться в вещах.

– Во-первых – найдешь, как вернемся. Во-вторых – нам нужно сделать много полезных дел там, а не просто пройтись. А в третьих – работать ты будешь в городе, значит, и искать вакансию надо там!

Я не хотела гулять, но против логики не пойдешь.

С утра сонный город мало изменился, разве что солнце распалось и стало теплее. Платье перешло к Рие, я же надела футболку и джинсы. Моя непритязательность к моде и стилю значительно упрощает жизнь, можно носить почти что угодно, а сочетание футболки и джинсов универсально. Это не то чтобы открытие, но один из постулатов комфорта.

Мы брели по яркой майской улице. Подруга разглядывала витрины, я сверялась со списком. Так, нужно постельное белье, нормальные чашки, всё для душа, запас еды, что-нибудь из украшений для дома, зарядку для телефона, нож, носки... Я мысленно прикинула стоимость и распрощалась со всякой возможностью не заботиться о финансах. Нам в жизни не хватит всей суммы и на жизнь, и на благоустройство этой самой жизни.

Рия, прищурившись, указала на витрину.

– Смотри объявления на магазинах, вдруг там будут вакансии.

– Так уже давно не делает!

– Делает, я в Ярославле видела.

– Ну, то Ярославль, там закон не писан.

– Всё равно гляди, шанс есть.

Я кивнула и стала всматриваться в витрины с особой тщательностью, будто от моего взгляда могла возникнуть случайная вакансия.

Дети, у которых уже закончились школьные занятия, расчертили на асфальте классики и увлеченно прыгали, пользуясь тем, что прохожих было немного. Мирно бредущие женщины с покупками чинно умилялись зрелищу.

Мы проходили редкие брендовые лавки – цены там кусачие и пугающие, не по нашему карману, а рынок, который мог бы нас выручить, отсутствовал на карте города как факт.

Спасением оказался магазин «Единая цена», располагавшийся прямо на втором этаже универмага, сразу за поворотом, слева от лестницы у железной двери в переулке. Довольно путанно, но найти его было несложно – таблички на каждом шагу просто кричали о месторасположении точки.

Проворошив кучу дешевого барахла, мы, в итоге, вышли почти со всем списком и даже больше. Я с сомнением глядела на сковородку за сто рублей.

– Развалится. И всё будет прилипать.

Рия подкинула лёгкую, как кусок картона, сковородку в руке.

– Альтернативы нет.

– Есть, но она дорогая.

– Тогда это нельзя назвать «альтернативой» – она же нам не доступна.

Я убрала покупки в рюкзак, задержавшись на секунду, чтобы ещё раз полюбоваться на две очень красивые чашки с репродукцией (естественно) гор Рериха. Пожалуй, это будет самая красивая вещь в нашей квартире.

– Купить бы краску и сделать стены под него, – Рия показала подбородком на посуду, руки её были заняты пакетом.

Я оценивающе пригляделась к композиции.

– Сложно сделать переход, мы тут одной краской не отделаемся.

– Ну, может, как-нибудь потом.

– Если останемся тут.

Мы перехватили вещи поудобнее и отправились дальше.

– Подушки! – Рия остановилась на лестнице. – Мы забыли про подушки!

Деревянные ступени скрипнули, когда я разворачивалась к ней.

– Но там не было подушек. Поищем в другом месте. Может в гипермаркете, там и продукты дешевле будут. Мы и постельного белья не взяли, но пока придется без него...

У жителей Краснокаменного явно начался обеденный пе-

перыв: стайки офисных работников сидели в кафе как чёрно-белые голуби, курлыкая о своих рабочих делах.

Тепло убаюкивало, список дел, как ни странно, успокаивал, а бытовые заботы заземляли. Будто с каждой купленной вещью мы укрепляли свои позиции в этом городе.

– Смотри, книжный развал, – Рия кивнула в сторону.

Прямо на тротуаре, перед разложенным дырявым покрытием, по-турецки сидел дедушка. Он разместился на оторванном сиденье стула, оглядывал прохожих и поглаживал длинную седую бороду. На подстилке нестройными рядами представлялись книги, маленькая табличка «Всё по 20» поселила в моей душе подозрение, что товар куплен-перекуплен, но это не страшно – я люблю вещи с историей. Хотя, конечно, деньги можно потратить и на еду, а почитать взять в библиотеке или с компьютера...

– Куда нам книги? – очень тихо шепнула я Рие.

Она ответила нарочито громко:

– У меня глаза болят читать с телефона.

Дедушка оживился как по сигналу:

– Выбирайте, выбирайте, девочки! У меня всё есть, от талмудов по истории до любовных романов! И бумага хорошая, глазки не устанут! Смотрите, как интересно! Вот Пушкин, Пушкина обязательно возьмите! А тут Диккенс! А это энциклопедия «Я познаю мир» – тут всё правда, в отличие от всяких энтернетов! О, поглядите, это Паустовский – Паустовского читать надо, это вот прям авторитетно!

Я покраснела. Чувствовала, как разгорячились щеки и лоб. Отлично, теперь в глазах этого продавца я нечитающая глупёха и жадина. Прекрасно. Терпеть не могу выглядеть глупо, но ещё глупее – объяснять, почему я так выгляжу и что я совсем не это имела в виду.

Поэтому я просто стояла, вцепившись взглядом в томик Достоевского и думала,

как же я так неудачно родилась, раз каждое моё действие – позор?

– Боже, перестань загоняться!

Рия смотрела на меня с тремя эмоциями одновременно: усталостью, раздражением и осуждением. Иногда тяжело, когда человек знает тебя как облупленную.

– Давай мы просто выберем книги, и ты не будешь себе ничего накручивать.

– Угу.

– И прекрати пялится на одну обложку! Они просто коричневая, ничего интересного в ней нет!

Вдохнула. Выдохнула. Убедилась, что старичок начал вещать Рие, какая у него когда-то была огромная библиотека.

Ладно, как учили: плевать, кто и что подумает. Правда, это внушение никогда не работало, но я раз за разом честно пыталась.

Села на корточки перед книгами, начала перебирать их глазами. Пропустила дешевые детективы в мягких обложках, пару сборников рассказов Кинга (страшно!), рус-

скую классику (школьная программа уже вся перелопачена, а большего тут нет), современные «пляжные издания»... Остановился взгляд на потёртом зелёном томике «Мистерий» Гамсуна. Рия же выбрала два тома Стругацких и «Без лица» Бестера. В подарок нам предложили «Ронью» в бумажной обложке за полцены, и мы с радостью ухватились за эту возможность.

– Когда в жилище есть хоть одна книга, оно уже становится домом, – сказал нам дедушка, принимая деньги.

Рия взвесила наши покупки и возможности, внесла рациональное предложение донести всё это до дома, а там уже идти за остальным.

Я согласилась. Как навьюченные мулы, мы добирались до квартиры окольными путями, через потаённые (не очень) тропы, сквозь душистые заросли сирени, первые одуванчики и покосившиеся заборы. Солнце отражалось на листве, делая её почти прозрачной.

Рия сорвала желтый цветок (какие безумцы посмели назвать одуванчик сорняком – я не знаю, они же такие красивые) и, оценив меня трезвым взглядом, засунула его мне в волосы.

– Тебе идёт больше, чем мне – у тебя волосы темнее, – она глянула на верхушки деревьев. – Ну, сейчас. Жалко, что нельзя сделать перезапуск своей жизни и начать отсюда. Только я бы хотела стать снова брюнеткой.

– Но тогда мы бы многое упустили. И покрасим тебя. Чуть

позже.

Я встала на щербатый бордюр и, балансируя, пошла по нему. Рия держалась рядом, подстраховывая, хотя лететь вниз было сантиметров пятнадцать, не больше.

– Но не будь мы здесь и сейчас, – продолжила я, – мы бы были совершенно другими людьми

– Я бы предпочла быть немного другой, чем собой и отгонять воспоминания.

Мы замолчали. Не хотелось портить такой чудесный день прошлым и пересчетом ещё-не-сошедших синяков.

Рия начала листать что-то в телефоне.

– Ах тыж! – она тыкнула мне в нос белым экраном. – Подушки по девятьсот рублей! Грабеж! Да я за такие деньги сама куру ошипаю и мешок ей набью!

– Ну... удачи тебе...

Рия издала гневное рычание и стон одновременно, закатив глаза.

– Ну, нам более-менее по карману декоративные подушки с вышитыми кроликами. Они небольшие, но всё лучше, чем свёрнутые простыни. Но блин... я вообще не понимаю цены!

Я глянула. Кролики и вправду были симпатичными.

– Ладно, давай возьмем их. Только закинем это всё-таки домой.

– Сейчас закинем – последний рывок, гляди!

И правда: торец нашей пятиэтажки уже виднелся за молодой листвой. Нам оставалось лишь пересечь детскую пло-

щадку, в которой с радостным угуканьем возились карапузы, отнимали друг у друга игрушки и кидались песком. Их мамы разместились на лавочке, щебеча о своих мамочкиных проблемах.

Мы мирно пересекли опасную зону осуждающих бабушек. Они выщелкивали семечками какой-то музыкальный ритм и говорили одновременно.

И только-только повернули за угол, как я услышала знакомый старческий голос:

– Девочка! Девочка!

Девочек во дворе было невпроворот, но я, почему-то, всё равно остановилась.

– Да-да, ты, милая! Иди сюда.

Я начала судорожно смотреть по сторонам в поисках зовущего.

– Тут я, на первом этаже.

Я заметила руку в свитере, приветливо машущую из окна.

Рия пихнула меня локтем в бок.

– Чего ты стоишь? Тебя же зовут.

Видимо, и правда меня. Никогда не могла понять такие нюансы, и поэтому часто попадала впросак, когда кто-то начинал здороваться, я ему отвечала, а оказывалось, что это он не со мной. Поэтому теперь я предпочитаю притворяться глухой, хотя это тоже бывает неловко.

«Неловкость» – моё второе имя. Екатерина Неловкость Морошкова.

Из-за потрескавшейся белой решётки мне приветливо улыбалась та самая бабушка из магазина. Я переступила через самодельные клумбы из шин, подошла к окну. Бабушка ласково потрепала меня по щеке. Её пальцы были шершавыми, а ладонь – тёплой. В комнате позади кипел на плите чайник, лениво умывалась полосатая кошка, гудел телевизор. На подоконнике любовно посажены цветы.

– Здравствуй, милая. Ох, я же специально у окошка сижу – тебя высматриваю. Не пошла с этими старыми на лавочке судачить, – она хихикнула, как девчонка. – У меня хороший, вкусный обед вышел-то, я б тебя угостила, да всё внучка съела, она мелкая, ей расти надо, а она вширь растёт только. Да что ж поделать, потом вытянется... Я вот что хотела, ты же помидоры ешь, да? Вот, я тебе подарочек приготовила.

Бабушка медленно достала из-под подоконника банку. Руки её так тряслись, что за сохранность стекла становилось страшно.

– На-на, бери! Я много накрутила, мы ж с внучкой не съедим столько.

– Нет-нет, вы что, спасибо, куда мне...

– Да бери! Вон, с подружкой съешь! Бери, а то обижусь!

Банка аккуратно протиснулась между решёток и мне пришлось подхватить, чтобы она не разбилась об асфальт.

За стеклом плавали пузатые помидоры. Уколешь такой ненароком – лопнет как воздушный шар и испачкает всё вокруг.

Помидорная граната.

– Ох, спасибо вам огромное! Очень-очень приятно!

Я прижала банку у груди. С рюкзаком за спиной она выходила идеальным противовесом. Вот только тяжело.

– Да не за что, деточка! Это, считай, плата за доброту.

– Да разве ж за неё нужна плата!

– Так она всегда есть! – телевизионный ящик заиграл какую-то назойливую мелодию. – Ох, ну я побежала, там это...

«Толк шоу» началось, как внучка говорит...

– «Ток-шоу», ба! – раздался из комнаты звонкий голос.

– Ну что ты ворчишь! Лучше б погулять сходила с ребятами, а то целый день дома сидишь!.. Или в магазин – у нас кепчук закончился, а продавщице бы конфет занесла, её вчера, вон, обдурили. А тебе удачи, милая. Счастья тебе.

Бабушка исчезла, оставив окно открытым.

Держа банку как младенца (а иначе она норовила выскользнуть из рук), я добралась обратно до дорожки.

– Что ж, теперь за продуктами идти не надо, – Рия оценила помидорный масштаб.

– Ну, тут ведь как...

– Тебе помочь нести?

– Не, я справлюсь... Да и тащить-то пару метров... Ух, пойдём.

Две минуты, последний рывок... Теплое чувство, будто солнце, вместо сердца, разлилось по моей груди. Всё-таки чрезвычайно приятно получать подарки! Если и остальные

бабушки в этом городе такие хорошие, то можно смело поселиться в пансионате и жить припеваючи.

Мы вышли к нашему дому.

На качелях сидел тот самый парень из автобуса.

– Ох...

Дыхание резко сорвалось, коленки задрожали, желудок заболел.

Вдох. Выдох. Спокойствие.

У Рии не было возможности сжать мою руку, так что она воспользовалась локтем. Я вздрогнула от боли. Она выглядела слегка обеспокоенной. После Ярославля настоящие параноики.

– Что? Что случилось? – прошептала она.

– Ох... – второй раз вырвалось у меня. – Ничего, просто тот парень, которого я вчера встретила в автобусе... Ну, короче, вот он сидит.

На площадке было всего два человека, один из них – престарелый дворник, так что Рия не ошиблась.

– Спокойно. Мы просто подойдем и спросим, что он здесь забыл.

Так она и сделала. Просто подошла и спросила.

У меня почему-то так никогда не работает.

Резвым шагом она приблизилась к качелям. Парень, как и в тот раз на остановке, сверлил взглядом землю. Плаща у него, что логично, не было, помятая шляпа всё так же покоилась на голове, а волосы он собрал в хвост. Растянутая

бордовая водолазка и потёртые джинсы придавали ему вид хиппи со стажем. В руках он держал какую-то бутылку.

Рия упёрла руки в бока:

– Привет! Не хочу показаться грубой, но скажи, ты тут по случайности или кого-нибудь ждёшь?

Парень снова оторвал взгляд от земли. Улыбнулся так, что в уголках его глаз появились морщинки.

«Такие люди стары душой, а кожа у них, как папирус», – говорила мне бабушка о таких вот улыбках.

– Здравствуйте! Ой, вы, должно быть, хотите покачаться.

Он вскочил, и от этого качели отлетели назад, а потом вернулись на исходную, ударив парня по коленкам. Он поморщился.

– Я не хочу качаться.

– Оу...

Рия слегка приподняла брови. Парень робко улыбнулся. Он был выше моей подруги на целую голову, но она всё равно казалась внушительнее.

– Так вы кого-то ждёте? – настойчиво спросила она.

– Да. Её.

Он посмотрел на меня, обогнул Рию и размашистым шагом направился в мою сторону.

Я застыла на месте.

– Я искренне прошу прощения, – он слегка поклонился. – Но дело в том, что я совсем запамятовал: тот плащ, что я дал вам, по совместительству – моё одеяло. Нет, если он вам

нравится, оставьте у себя, конечно же! Я совсем не против, найду себе что-нибудь другое. Но если он вам не нужен, то не могли бы мне его вернуть?

Я опешила, а затем еле подавила в себе желание рассмеяться. Даже зажала рот ладонью.

– Вам он стал дорог, да? – разочарованно воскликнул юноша. – Ну ничего! Не печальтесь! Я, конечно, принёс вам взамен гранатовый сок, но отдам его просто так.

И тут я всё же рассмеялась. Банка чуть не выскользнула из рук, так что пришлось опуститься на корточки и уткнуться в неё лбом.

Столько волнений, а такая развязка! И поделом мне – нечего культивировать тревожность.

– О боже, Катя, вставай! – проворчала Рия.

– Не могу!.. – вымолвила я сквозь смех. – Рюкзак слишком тяжёлый!

Подруга ухватила меня за подмышки и вытянула в стоячие положение. Парень недоумённо хлопал глазами.

Без единого звука Рия сказала: «Что тут, блин, происходит?», а затем добавила громкости:

– Пойдёмте, мы вернём вам ваш плащ-палатку.

– О. Хорошо. Отлично, – обрадовался парень.

С бормотанием: «позвольте» он забрал у меня помидоры, но дал вместо них бутылку с соком.

Неровным строем мы поднялись в квартиру. Свет в прихожей, конечно же, не зажёгся.

Я скинула все вещи на кухне и побежала искать плащ. Незнакомец скромно жался в коридорчике, то и дело ударяясь головой о лампу. Обойдя его по стеночке, я глянула в шкаф – нет. В комнате нет. На кухне нет.

В растерянности остановилась. У нас нет ни вещей, ни места – куда же он мог подеваться?

– Риийий... – воззвала я к более мудрым силам этой планеты.

Она шуршала пакетами.

– Мне кажется, он в ванной.

И правда. К моему стыду, он валялся в углу скомканный. Но когда я его расправила, оказалось, что он не только мятый, но ещё и мокрый.

Стало ужасно стыдно. Нельзя так безответственно обходиться с чужой вещью, а я даже не обратила на это внимания. Экспресс-выхлопка не привела к желательному результату, а плащ грустной мокрой тряпкой свисал с поручня.

Я вышла с плащом, держа его на вытянутых руках.

– К сожалению, он не высох... Простите, пожалуйста, я забыла его повесить.

– Ничего страшного! Зачем мне в такую жару сухой плащ? А вот влажный – самое то.

– Нет, это не дело! Давайте я его повешу на солнце, он должен быстро высохнуть! А пока... Мы напоим вас чаем!

На кухне послышался металлический звон чайника и треск конфорки.

– Я никогда не откажусь от чая, спасибо огромное!

– Я тоже его очень люблю! Мы только переехали, поэтому его не так много... Ну, то есть только зелёный.

– Зелёный – это отлично! Знаете, скоро откроется одно место, кафе «Джомба» – там будет очень много чая – самого разного – со всех концов света. Думаю, вам будет приятно там побывать.

– Да, конечно, как-нибудь заглянем, – вежливо сказала я. Гость снял ботинки, аккуратно поставил их на коврик.

Рия прошла в комнату.

– Давайте уж тут сядем. Кать, сделай тогда чай, я покурю.

Перехватив у меня плащ и закинув его на плечо, она махнула гостю и они вошли в гостинную-спальню-единственную-комнату. Половицы приветливо скрипнули.

Интересно, как мы там втроём поместимся? Будем сидеть на полу, как турки? У нас нет подушек или стульев. Придется кинуть одеяло.

Новые чашки я сполоснула: хорошо, что помимо рериховских, мы взяли гостевую, желтую.

На душе было на удивление спокойно. Обычно, когда я впервые встречаюсь с человеком, я жутко нервничаю, особенно, если он оказывается у нас дома. Но сейчас на меня нахлынула странная уверенность, что мы знакомы уже сотню лет (а формально мы виделись второй раз, так что считается)!

Но, как говорится: «доверяй, но проверяй!», поэтому я ак-

куратно выглянула из-за угла, чтоб проверить, не обижает ли он Рию (или она – его, что вероятнее).

Нет, всё в порядке, сидят. Он на полу, она на подоконнике. Можно выдохнуть.

Чайник настойчиво напомнил о себе.

Я кинула пакетики (и тут же стало стыдно за то, что это не качественная заварка: гость-то у нас, видимо, чайный гурман), обхватила полотенцем раскалённую ручку и разлила кипяток. По чашкам, в смысле. Хотя я и так могу.

Три чашки за один раз мог бы унести только акробат, но я поступила хитрее: использовала разделочную доску вместо подноса.

Балансируя, вошла в комнату как раз на середине разговора.

– Гонись, – заявила Рия, умерщвляя окурок в пепельнице.

– Никуда я не гоню... я на месте сижу, – парень пожал плечами.

– Я всмысле.. Не ври короче.

Хотела бы я спросить, что у них, но постеснялась влезать. Но подруга почувствовала сама.

– Не отдавай ему плащ, у него паспорта нет.

– Он мне не нужен.

– Угу. Нет паспорта, спишь под плащом. Да вы бомж, батенька. На хлеб не подаем.

Он не выглядел оскорбленным. Кажется, до него не дохо-

дило.

Я поставила поднос на пол.

– Что-то случилось?

– Наш гость, видимо, неформал. По крайней мере пользуется он псевдонимом и отказывается называть своё настоящее имя.

– Но я же назвал!

– Да ладно! Ну-ка давай, скажи ещё раз: как тебя зовут? Дима? Миша?

Он вздохнул:

– Двадцать Корсак.

Рия раздраженно процедила:

– Господи...

Она терпеть не могла всякие субкультуры. Возможно потому, что сама побывала в каждой из них по молодости. Дольше всех она задержалась в готах. У нас даже сохранились фотографии на компьютере, но мы их никому не показываем.

Она и сейчас предпочитает чёрный цвет. «Обрывки декаданса», как она сама любит выражаться.

– Она мне не верит, – сказал парень таким тоном, будто я могла заставить Рию пойти на уступки.

– Может, ты индеец? – пошутила я.

Двадцать Корсак (так странно...) покачал головой. Воцарилось молчание. Спасти положение не удалось. Рия пожала плечами и пробормотала:

– Да пофиг.

Пришлось сделать ещё одну попытку:

– Должно быть, ваши родители были очень творческими личностями...

Собеседники уставились на меня так, что я решила больше никогда не открывать рта и не позволять всяким глупостям звучать оттуда.

Рия спустилась с подоконника на пол, взяла чашку.

– Ну а как тебя сокращённо?

– Двадцать.

– А ещё короче?

– ...Два?... Наверное. Никто ещё не пытался сокращать так.

Он отхлебнул чаю.

– Очень вкусно, спасибо.

Из пакетика, ага. Надо бы попросить Рию принести с работы немного нормального, прошлая контрабанда уже кончилась.

Подруга прислонилась к стене и закрыла глаза. Солнечный свет выделил квадрат вокруг, и она грелась в его лучах. Двадцать наблюдал за пылинками в воздухе.

– Ну а почему ты укрываешься плащом вместо одеяла? – спросила Рия.

– Потому что у меня нет одеяла.

Я почти слышала, как скрипят её зубы, видела, как глаза буравят в несчастном парне дырку, а пальцы её раздражённо

мусолили окурок. Но мне он нравился, милый.

Разговор дальше не пошёл. У Рии всегда так: если ей кто-то нравится, то он в ту же минуту будет её другом, а если нет... Ну, не врагом точно, но отношения будут прохладными.

Но Двадцать обратился ко мне.:

– Я вижу, вам уже лучше. Вчера вы совсем грустили.

Действительно, по сравнению со вчерашним днём мне намного легче, хотя, по факту, мало что изменилось.

– Да, вы знаете, мне действительно лучше.

– Ну и славно.

«Славно!». Так мало кто говорит «славно» в наше время... Звучит крайне архаично.

– Ох, а я же совсем не предложила вам еды! Подождите, секунду, пожалуйста!

Инспектирование кухни не утешило: чёрный хлеб и полбанки фасоли – вот всё, что оставалось у нас.

Быстро сполоснув тарелку, я положила еду так красиво, как это вообще возможно с куском теста и бобовыми. Яичницы очень не хватало для идеальной композиции в подборку «Английские завтраки» или что-то в этом роде.

Рия и Двадцать всё так же сидели на полу, но не разговаривали. Оба смотрели в окно.

Оно всё ещё было грязным, но сквозь пятна я разглядела быстрые трепыхающаяся фигурки птиц.

Ласточки! К нам прилетели ласточки и вьют гнездо над

нашим окном!

Я залюбовалась их движениями: стремительной, свободной красотой и изяществом. На фоне ярко-голубого неба их чёрные тельца напоминали театр теней.

– Это хороший знак, – сказал Двадцать.

– Ещё бы, – подтвердила Рия.

Вручив обед Двадцать и получив за это больше благодарностей, чем оно того стоило, я уселась на пол.

Он ел аккуратно, старался насадить на вилку каждую фасолинку, отчего по комнате раздавался неритмичный стук.

– Вы тут недавно? – спросил он, гоняясь за очередным бобом.

Я прислонилась спиной к прогретой стене и обняла подушку. Ответила:

– Ну да, можно сказать, мы только въехали.

– Нравится?

– Ну так.

Во дворе залаяла собака, сигнализация машины взвизгнула и тут же стихла.

– А мне тут занятно! – заявил гость.

– Давно?

Двадцать наклонил голову вбок.

– С ночи с тридцатого апреля на первое мая.

– То бишь тоже новенький.

– Да, чудесный город.

– А что тебя сюда привело? – вставила Рия.

С его стороны раздалось лишь неловкое молчание. Двадцать подпер подбородок ладонью и хмуро посмотрел в стену, будто раздумывая над причиной.

– Хм... хм... Нет, не могу сказать точно. А вас?

Теперь неудобно замолчали уже мы.

Картина маслом: три шпиона.

Двадцать молча доел свою порцию, поднялся и вышел из комнаты. Я не рискнула идти следом. Через пару секунд из крана полилась вода.

Самый лучший гость тот, кто помоеет за собой посуду.

Рия сколупнула штукатурку с батареи.

– Мне надело это, – прошептала она мне.

– Ты сама настояла на том, чтобы придумать легенду!

– Да, вот только мы забыли это сделать.

Я пожала плечами. Прислушалась к звону тарелок. Он что, решил там всё перемыть? Рия нервно барабанила пальцами по паркету.

– Как думаешь, он уйдёт?

– Когда-нибудь обязательно. Но чего ты так торопишься?

Он, вроде, милый. И ты хотела завести друзей.

– Он странный.

– Это мы странные.

– Я обычная, – фыркнула Рия.

Полный сомнения взгляд я адресовала лучшей подруге.

Она закатила глаза.

– Не начинай.

– Не буду.

Двадцать стукнулся о лампу в коридоре, прежде чем вернуться назад. Удивлённо воскликнул:

– А знаете, что! Я придумал: вообще-то, я могу сказать точно, просто сформулировать было сложно! Мне нужен один человек. Возможно, вы его встречали.

Изящно уронив стакан (но не разбив) и сказав «ой», Двадцать сел обратно.

– Это пожилой мужчина, у него серые волосы, широкий нос, серые глаза... Я показал бы фотографию, но её нет. Он чуть ниже меня, и лицо у него довольно доброе. Носит свитер и костюмные штаны. Имя... не думаю, что он вам представлялся, на самом деле.

Я закусила губу. Под такое описание попадает каждый второй преподаватель родной речи в универе, но, как говорится, случайностей не бывает.

Рия не имела такой богатый опыт общения с тем человеком, про которого я усиленно думала:.

– Тоже самое, что искать девочку среднего роста с русыми волосами... Куда ни плюнь – везде такая.

Я окинула взглядом типичного представителя таких «девочек» и согласилась. Хотя, конечно, Рия выгодно отличалась от прочих красотой и прекрасным оттенком волос, полученным не столько природой, сколько случайным смешиванием красок.

Двадцать почесал переносицу.

– Хм...

Наверняка я опять сморожу глупость, но...

– Мне пару раз попадался похожий человек... Но Рия права, таких сотни.

– А что за человек?

– Эм... Собственно седой мужчина, ну, похожий по описанию... Я натыкалась на него пару раз. Каждый раз он словно бы был воплощением поговорки: «хотел как лучше – получилось как всегда».

Глаза Двадцать хищно блеснули золотом. Он резко подался вперёд:

– Расскажи мне!

Я хотела было сходить за новой порцией чая, но передумала. На секунду Двадцать стал другим, из неуклюжего парня превратился в лиса перед прыжком.

Рассказала ему про все случаи, когда встречалась или слышала про Хорошего Господина: и про случай с бездомным, и про случай с окном, и про цитрусовые карамельки. Пока говорила, удивилась – как же часто этот человек мелькал на периферии!

По завершению рассказа, Двадцать сжал кулаки и победно улыбнулся.

– Это он! Точно!

Рия, доселе молчавшая, щёлкнула зажигалкой.

– погоди, ты есть ты хочешь сказать, что в поисках того человека, ты совершенно случайно нашёл человека, который

общался с нужным?

Я бессильно уронила голову на руки. Ну, конечно, всё сходится – это розыгрыш! Почему я такая наивная? За что? В прошлой жизни я что, была воробушком, чтоб заслужить такой мозг?

Двадцать всплеснул руками.

– Конечно, не случайно! Я долго и упорно следил за ним и видел ваши пересечения, но издалека. Видите ли, я должен поймать его до вечера, иначе меня застрелят.

Чувствуя себя наиглупейшей барышней из приключенческих романов девятнадцатого века, я всё же спросила:

– Вы из мафии?

Его жёлтый взгляд вонзился прямо в меня. Он слегка наклонился, кивнул.

– Ага.

Молчание.

– Заливает, – констатировала Рия.

– Нет, это правда.

– Какая мафия, мы в Краснокаменном, это даже не административный центр. Тут максимум, что бандиты, а ты меньше всего похож на одного из них.

Он оскорбленно ахнул.

– Конечно, я не бандит, как вы могли такое подумать!

Ну точно роман девятнадцатого века.

Рия закатила глаза:

– А ты хоть знаешь, что такое мафия?

– Конечно! Это игра такая. «Город засыпает...»

– Ох ты ж.

Рия встала, стянула плащ со стула, кинула гостью.

– Короче, он сухой. Спасибо за визит, надеюсь, тебя не застрелят. Пока.

Двадцать хлопал глазами. Кажется, он не понимал, что его выгоняют.

Я подползла к подруге:

– Рия, но он же наш гость, зачем ты так грубо?

– Он был нашим гостем, а теперь он уходит. И он явно не в себе. Ты что, и правда думаешь, что такое поведение нормально?

– Нет, но...

– Слушай, нам хватило и фриков, и безумцев в этой жизни. Мы приехали в этот город чтобы более-менее отойти от этих... Давай больше их не подпускать к себе, хорошо?

Я не могла не согласиться. Каждое её слово было правдой, и, тем не менее, мне было страшно и горько.

Двадцать, прослушавший всё это с пугающей покорностью, поднялся и улыбнулся нам.

– Ничего, понимаю, что я для вас чудак. Просто имейте в виду: не говорите с этим человеком. Не приближайтесь к нему. Если вы найдёте его, свяжитесь со мной.

Он начал обуваться. Мне страшно хотелось дать ему что-то в качестве компенсации, но ничего не находилось.

– А какой твой номер телефона? – спросила я.

– У меня нет телефона.

– Эм... Хорошо, давай напишу тебе в социальную сеть.

– Этого тоже нет.

Рия тихонько пнула меня.

– Ой... Или... Отправлю письмо? Нет, я не успею, наверное...

Двадцать снова посмотрел на потолок.

– Что ж, вы можете прийти ко мне.

– Ага, щас, – прокомментировала это предложение Рия.

Но нельзя же было дать ему уйти вообще без надежды.

– Хорошо, – выпалила я, – а где вы живёте?

– О, тут недалеко. Сразу за торговым центром «Звёздочка» есть заброшенный рынок. Там можно пролезть в дыру в заборе. Так вот, там ещё не всё ларьки вывезли, я во втором ряду, десятый ларёк. А скоро «Джомба» откроется, вы туда обязательно приходите, вам понравится.

Он открыл дверь.

– Что ж, будет здорово, если скоро увидимся. Пока!

Двадцать промчался по лестнице рысцой как цирковая лошадка, и через пару секунд послышался хлопок двери.

Мы с Рией переглянулись.

– И после этого не говори мне, что он не сумасшедший, – сказала Рия.

Не то, чтобы я изначально спорила.

Топ-топ, цок-цок. Вечерние голуби важно прохаживались

по железному карнизу.

Я смотрела на них, Рия смотрела сериал.

В душе моей что-то тревожно копошилось: крошечный нож, недоступный человеческому глазу и разуму, один за другим перерезал нервы.

Слишком много беспокойства. Слишком много самокопания. Слишком много ненужных тревожных мыслей.

Сайт с работой уныло прокручивался на дисплее телефона. У меня никогда не хватит опыта или совести, чтобы откликнуться на вакансии, которые мне по-настоящему интересны.

Да ну её. Буду действовать, как Скарлетт: подумаю об этом завтра.

Рия поставила сериал на паузу.

– Только не говори, что выслушиваешь выстрел.

Именно этим я и занималась.

– Кать, успокойся. Сделай одолжение: не зацикливайся.

Этот парень наверняка сектант какой-нибудь.

– Даже если он сектант – это не повод, чтоб его застрелили!

– Ну...

– Рия!

– Да боже, нашёл он этого человека, привел в свой храм, его там поняли, простили, освятили благословением какого-нибудь Ктулху, всё хорошо! Успокойся уже, будто нам своих проблем не хватает!

– Я это осознаю, но от осознания мне не становится легче.

Рия отложила ноутбук, взяла расчёску и морской звездой распласталась на кровати. Шуршание её волос причудливо сочеталось со звуком голубинового марша.

– Хорошо, давай сейчас пойдём в город, найдём среди десятков тысяч людей того человека, Хорошего Господина, поймаем его... Оглушим или, я не знаю, свяжем... Доведем до рынка, сдадим этому чокнутому в руки, убедимся, что он жив и вернемся разбираться с нашей жизнью, окей? Как тебе план?

– Дурацкий.

– Есть другой?

– Нет.

– Ну, тогда всё.

Она резко села на кровати. Из одежды – одна футболка и трусы, но это её не особо волновало. Как и многое другое.

– Давай отвлечемся. Я прочитала рецепт коктейля, там всего-то нужно мороженое и варенье. Ну, и молоко, но у нас оно есть. Если добавим алкоголя – получится ликёр.

Я посмотрела на закат.

– Нет, не хочу идти в магазин. И молоко свернётся.

– А что хочешь?

Я прислушалась к себе и поняла, что не хочу вообще ничего. Такое случается. Рия вздохнула, залезла в компьютер, начала быстро строчить по клавишам. Минута – и из динамиков послышался нежный женский голос с придыханием

и гитарным перебором, который начал петь что-то про соловьев.

– Если ты ничего не хочешь – значит, будем танцевать! – ультимативно заявила она.

В два шага добралась до меня, схватила за запястья и закружила в танце. Мы кружились быстрее, чем ритм песни, то и дело наступая друг другу на ноги и смеясь. Рия подняла руку, а я юлой обернулась вокруг своей оси. Последний поворот чуть не обернулся катастрофой, благодаря моей хвalebной ловкости, и я полетела на кровать, где тут же завернулась в одеяло.

Желтоватый потолок. Бодрая фольклорная музыка. Тепло майского вечера.

Рия права: нам и своих проблем хватает.

Глава четвёртая.

Птичья кровь.

История одной ласточки.

Это был её первый полёт, и, возможно, последний. Выбываясь из сил, бесконечно воюя с штормовым небом, она летела вперёд. Перья вымокли и тянули вниз, каждый новый раскат грома заставлял сердце испуганно замереть, но она продолжала лететь, сама не зная, зачем.

«...учёные до сих пор не знают, зачем животные совер-

шают миграции...» – тянул скучный голос по радио.

«...но, конечно, у них нет компаса в душе...»

У некоторых. У других есть. Они же все разные.

И, если бы учёные приняли, что все животные, которые совершают миграции, тоже разные, как и люди, они бы поняли.

Лиловая молния расколола небо.

Она упала на ветки.

Снова поздний вечер (чему тут удивляться, он наступает каждый день). Играл БГ, Рия решила что-то приготовить, поэтому возилась на кухне, слегка пританцовывая под жёлтым светом лампочки.

Я сидела в своем коконе за стеной. Глина послушно прогибалась под пальцами, воплощалась во что-то осмысленное. В ладонях мялся маленький и неказистый кусок материала, и из него получалась потешная свистулька: из тех, что продают в музеях. Я такую видела в Суздале, на экскурсии, много лет назад.

Здесь совершенно негде её обжечь, так что наверняка свисток так и останется бесполезным комком сухой глины. Немного жаль, но процесс меня затягивает больше, чем результат.

Атмосфера убаюкивала, ночь плавно захватила в свои объятия. Стараясь погрузиться в музыку, я всё больше думала о Двадцать.

Немного нервно опустила пальцы в стакан с водой, разглядила глиняные бока. Под моими ладонями рождалась птица.

Далеко-далеко в ночи я услышала выстрел.

Сердце пропустило удар. Я замерла, вслушиваясь и надеясь, что это просто случайность, внештатная ситуация в участке или хвостовство местных хулиганов, а не то, что я подумала.

Под рёбрами зародилось тревожное ощущение. Встала, ведь сидеть в такой ситуации было бы кошунством, будто бы неуважением к случаю.

К выстрелу.

Будучи почти ни в чём не уверенной, я точно знала, что мы упустили шанс помочь хорошему человеку.

Три круга по комнате, нервное состояние достигает предела.

– Риинияяяя... – воззвала я.

Она появилась в дверном проёме, руки подняты вверх, дабы не измазать всё вокруг тестом.

– М?

– Ты слышала выстрел?

– Да.

Я замялась.

– Как ты думаешь, это застрелили Двадцать?

– Не придумывай глупости, это может быть что угодно.

Да даже пакет с соком, надутый. Ну, если на него наступить,

знаешь. Там хлопок покруче пистолета выходит.

В этой теории я сильно сомневалась.

– Чего дёргаться попусту. Скоро будет пирог.

В три часа ночи я проснулась. Точнее, спала я и так урывками, но тут окончательно покинула царство морфея. Свербящее ощущение распространилось по всему телу (или душе?). Села.

Господи, да как же это так! Ну неужели я не могу оставить в покое какого-то чудика!

– Только не говори, что ты собираешься идти на рынок.

Голос только что проснувшейся Рии хрипел и мямлил.

– Я не собираюсь идти на рынок... сейчас.

– А утром?

– Я ещё не решила, насколько я собираюсь вообще идти куда-либо.

Рия перевернулась на другой бок, уткнувшись в стену.

– Поэтому ты вскочила?

– Мне тревожно.

– Всё равно ты ничего не сможешь с этим поделать.

– Но если я даже не попытаюсь, то может быть только хуже.

Рия резко поднялась на кровати. По-совиному повернула голову в мою сторону, хотя всё равно не могла разглядеть меня в темноте и без линз.

– Катя. Плохо будет только тебе, и то по совершенно на-

накрашенной для такой-то спешки.

После неравной борьбы человека и гардероба, подруга чинно отряхнулась, взглянула на время (как же странно, что раньше мы говорили «на часы», но теперь очень глупо говорить «на телефон», поэтому выходит «на время»).

– Даже не опаздываю, – она присела на кровать, взяла в руки поделку, – хорошо получилось.

Я кивнула, хотя не была в этом уверена. Мне редко нравилось то, что я делала.

– Очень не хочу никуда идти. Кому, скажи на милость, может потребоваться покупать чай в девять утра?

– Ну, а кофе?

– Разве что кофе. В зёрнах. Грызть, как хомячье по дороге в их хомячий офис.

Рия презирала офисы, хотя ни разу не работала ни в одном.

Прихватила контейнер со вчерашним пирогом, книгу и зарядку для телефона, попрощалась со мной, пожелав мне забить на всё и приготовить ужин, и исчезла из моей жизни ровно на двенадцать часов.

Кровать-диван оказалась в полностью моём распоряжении. Чтобы это отпраздновать, пару раз прекратилась из стороны в сторону. С последним перекатом чуть не упала на паркет.

Спасибо техническому прогрессу, сайт с вакансиями мне удалось проверить, не вставая с постели. Но, к сожалению,

ничего пригодного для жизни там не обнаружилось.

Было бы хорошо осознать, что я просто придираюсь к условиям работы, но нет. Некоторые пункты действительно невозможно соблюсти (кто, скажите на милость, согласиться совмещать работы менеджера, бухгалтера и курьера за зарплату уборщицы?)

И что же делать человеку здесь, на Земле, чтобы выжить и не продавать себя в добровольное рабство? Ответ: не знаю. Грабить банки.

Старый дом культуры ознаменовал собой упадок эпохи, развал страны, кладбище коммунизма и вообще всё то, что может знаменовать собой здание с выбитыми стёклами и опадающим фасадом. Некоторые буквы с вывески уже отвалились, заколоченные окна оцетинились битыми стеклами, стены были покрыты мутно-серым камнем. На контрасте перед домом расположились клумбы с живописными цветочками.

Я не шла конкретно на заброшенный рынок, просто куда-то шла. Узнавала город, знакомилась с окружением, а остановилась здесь, любуясь этим культурным надгробием.

Да, думала пойти, проверить того парня. Даже искренне собиралась это сделать, пока умывалась и одевалась, но как только вышла из дома – испугалась. Гораздо легче было бы

сделать это с Рией, одной вообще сделать что-то сложно. Только бесцельно бродить, да надеяться на удачу.

Но перед домом культуры была только я. Улицы в будний день пустовали, лишь изредка проезжали машины. Небольшая аллея дышала спокойствием, отцветшая сирень обнимала здание, словно придерживая стены, упорно крошащиеся на траву.

Мой свисток-птица издал мягкий, нежный звук на неизвестной частоте.

И, словно бы отреагировав на этот сигнал, дверь дома культуры распахнулась, прошуршала по асфальту, ударилась о мусорку и замерла. Нестройной походкой из недр здания вышел тот самый старик.

Я не смогла отступить. Стояла и смотрела, как он своей окровавленной рукой хватается за ручку двери. Даже почти не удивилась.

Повернув голову ко мне, он сказал:

– Не стоило даже пытаться, знаешь.

Живот заболел от страха, пальцы задрожали. Я подумала о Двадцать. Ох, ну почему, почему я не остановила его вчера? Почему не пошла ночью?

– Что?..

Голос прозвучал так тихо, что ни один человек был бы не в состоянии расслышать.

Но он расслышал.

– Я пытался его вылечить, знаешь. А в итоге он страдал

ещё больше, у меня не было анестезии и опыта, и времени...

Мне удалось отступить на полшага. Пяткой нащупала скейтборд.

Но мужчина не двигался, просто стоял, смотрел. Рукавом свитера пытался оттереть кровь с руки.

– Ничего. Как всегда.

Вокруг не было ни души, и услышать мой крик было бы некому. Но катаюсь я хорошо, буду быстрее, чем этот старик.

Ладони вспотели. Из-за облаков блеснул луч света.

Я не верила в свою смерть в день, когда светит солнце.

– Вы убили Двадцать? – это предложение далось мне с трудом.

– Кого?

Тут я растерялась. Пустилась в объяснения:

– Двадцать... ох, я не помню его фамилии.... Юноша – высокий, в шляпе, с длинными светлыми волосами, он ещё вас искал...

Мужчина нахмурился. Сделал шаг, но я вздрогнула, и он тут же замер.

– Нет. Никаких юношей я не убивал, – сказал он устало.

– А что тогда...

– Голубь. Голубя переехала машина, я пытался его спасти, но у меня не получилось.

– Что...

– Голубь. Птица такая.

– Я знаю, что такое голубь! Но я думала, что вы убили

Двадцать!

Он так на меня посмотрел... Большой идиоткой я себя в жизни не чувствовала. Щёки и уши вспыхнули огнём.

Боже, я ведь только что обвинила человека в убийстве! Хорошего человека. Надумала себе невесть что из-за глупой паранойи и рассказней незнакомца, перенервничала, расстроила всех...

Больше не в силах стоять и пытаться посмотреть ему в глаза, села на скейтборд.

– Простите меня... Простите меня, пожалуйста! Я такая дура! Я совершенно не хотела вас обидеть!

Его ботинки прошуршали по земле. Рука, та, что в крови, легла на моё плечо, и я вздрогнула от железного запаха, холода и тяжести. Сил хватило посмотреть только ему на нос, не выше.

– Шарлатан этот твой Двадцать. Не надо считать людей плохими только потому, что так сложились обстоятельства, хорошо?

Я кивнула.

Он сел передо мной на колени. Мне даже некуда было подвинуться, только нелепо отъехать в сторону.

– Я могу тебе как-нибудь помочь? – спросил он, и я поняла, что больше такого не выдержу.

Чуть не ударив его коленом в подбородок, вскочила. Он отшатнулся.

– Нет, не надо, спасибо!

С меня, пожалуй, хватит. Я так надеялась, что когда мы переедем в другой город (неизменное «мы» в моих мыслях), то все проблемы и недопонимания останутся позади. Но они всё множатся и множатся.

Хороший Господин встал. Я смогла взглянуть ему в глаза.

– Но всем нужна помощь.

– Мне не нужна.

– Врёшь.

– Нет же!

Кажется, он разозлился. В лице появилась какая-то жестокость, которой прежде не мелькало..

– Если бы не требовалась, – он сделал шаг, теперь отшатнулась уже я, – то меня бы вообще не существовало.

Я пару секунд прикидывала странные обстоятельства его рождения, но решила не спрашивать. Прежде чем успела придумать, как избежать дальнейшей дискуссии, он схватил меня за руку. Я вскрикнула.

– Отпустите!

Мужчина лишь крепче сжал моё запястье, оставляя кровавые разводы. Его ладонь оказалась сухой, с мозолями.

Мне не хотелось его бить, мне никогда никого не хотелось бить. Да я бы и не выиграла, он явно был сильнее.

– Отпустите! – уже взмолилась я, не получив ответа в первый раз.

– Ты признаешь, что всем нужна помощь?

На его лице уже не было и проблеска той самой стариков-

ской доброты, что была вначале нашего знакомства.

– Сейчас помощь нужна только мне... – голос дрогнул, попытка вырвать руку свободной конечностью ни к чему не привела.

В голове, как пчёлы, роились мысли. Самая яркая была – всё-таки ударить его. Скейтбордом. И убежать в другой город.

– Пожалуйста, отпустите, – совсем уж тихо и отчаянно пробормотала я.

К горлу подступил комок. Снова. Я не хотела плакать, но мне было так страшно, что тело действовало против моей воли.

Свободной рукой прикрыла лицо. Конечно, слишком уж глупо думать о том, как выглядеть перед лицом опасности, но я думала. Никак не могла отделаться от собственного нелепого образа с покрасневшим носом и опухшим лицом. Слёзы покатались из глаз.

Он растерялся.

– Пожалуйста, ну пожалуйста, отпустите меня, – проревела я.

– Я же тебя не убиваю, – слабо оправдался он.

– Но это же не повод меня удерживать!

Аргумент подействовал. Мужчина отступил.

Стремительно схватив скейт, я ринулась прочь.

К чёрту это всё, к чёрту! Чтобы ещё раз пошла куда-то одна!

Я миновала красивые цветы, калитку, выскочила на дорогу. Кровь на запястье алела браслетом, какой-то особой меткой.

– Я не хотел тебе вредить! – крикнул мужчина мне.

Но так я и поверила человеку, который не хотел меня отпускать!

Город летел мимо меня. Я смахнула слезы и начала злиться, до крика, до хрипоты. Злилась на весь мир, на себя, на него, на Рию, на Двадцать, на жизнь, на город, снова на себя, на обстоятельства. Страшно хотелось что-нибудь разрушить по этому поводу. Но под рукой ничего не было, поэтому я просто разогнала ещё быстрее, выплёсивая злобу в скорость. Перекрёсток пролетела даже не затормозив, чудом не попала под машину.

Может, ещё раз уехать? В очередной раз начать жизнь заново, с чистого листа.

А может, уехать одной? Нет, нет, что это за мысли такие. Я никак, ни за что не брошу Рию, ради неё все это и затевалось. Но, Господи, глупо отрицать, что если бы не она – всего этого бы и не случилось.

Мне стало жгуче стыдно за такие мысли. Друзья не должны думать подобным образом. На то они и друзья.

Ещё быстрее. Какая-то бабушка поразительно резво отскочила с моего пути, проводив меня в спину красочной руганью. Но уж, простите, мне сейчас всё равно, а вы можете и подвинуться. Я злая. Имею право пугать бабушек (вооб-

ще-то нет, но иногда мне было приятно так думать).

Ещё одна проезжая часть. Здравый смысл говорил мне, что надо бы аккуратнее, но чувства диктовали свои правила.

Слева от меня раздался пронзительный гудок и гневный крик, полный тюремных эпитетов.

Далеко ещё до дома? Кажется, не очень.

И тут передо мной выскочил кот. Я даже не успела толком его разглядеть, да это было крайне сложно, на такой-то скорости. Постаралась свернуть, но...

Но.

Не сложно догадаться, что было дальше. Ударившись об угол дома, я тут же рухнула на землю, проскользив добрый метр по асфальту. Перед глазами стояла серая пелена: то ли асфальт, то ли боль. Кожу будто живьем содрали, но вставать страшно не хотелось. Единственным моим желанием было стать вот этим самым асфальтом и не заботиться ни о чём. Ни о жизни, ни о ссадинах.

Просто лежать.

В бесконечной серости вырисовывалась одинокая травинка. Она качалась туда-сюда, влево-вправо. Ярко-зелёная, с желтоватым оттенком. Ка-ча-ется. Как дерево посреди пустыни.

Тело вновь напомнило о себе: заболели рёбра, под локтём растеклось что-то горячее. В голове гудело.

Ну нафиг эту глупую жизнь с её глупыми законами. Умру прямо здесь, на углу проезжей части, и больше никогда

не буду плакать.

– Эй, ты в порядке? – раздалось надо мной.

Вот прицепились, я тут умирать собралась, а меня тормозят!

Совершенно бесцеремонно меня потрясли за плечо.

– Да, – буркнула я.

Но человек, пытавшийся привести меня в чувство, явно не заслуживал такого отношения.

Постаралась приподняться. Вышло плохо, так что сказала, не поворачиваясь:

– Спасибо за заботу, но всё и правда хорошо, я справлюсь.

Он и не думал уходить.

– Точно?

О нет. Я знала этот голос.

Злоба ещё не отступила полностью, так что мне удалось резко повернуться. Конечно же, над моей головой возвышался Двадцать. В своей дурацкой шляпе и со своими дурацкими лисьими глазами!. В руках он держал мой скейт.

Я лежала на спине, на асфальте, мимо проносились машины. Тело ломило, одежда все в грязи и пыли, самый худший день в моей жизни (вру, не самый, но), а он стоит там, у неба, моргает по-совиному да ещё и улыбается. А я ведь его пошла спасать, за него волновалась, а он – здрастье – живой.

– Уходи, – сказала я. – Не хочу тебя видеть.

Он нахмурился.

– Почему? Я тебя обидел?

– Потому что я волновалась за тебя, поехала проверить, а в итоге сама попала в передрагу. Это как, нормально в твоём мире?

Он наклонился ниже, тень его шляпы упала на моё лицо, укрыв глаза от солнца.

– Но так оно обычно и бывает. Ты идешь куда и случается что-то. Какая разница, в чём причина?

– А если я не хочу ни во что влипнуть?

Он присел на корточки. Подол плаща упал на мои колени.

– Ну, а как так, как же тогда про тебя рассказывать сказку, в которой ничего не произойдёт?

Я огрызнулась:

– У меня куча всего происходит, особенно последнее время. Я хочу затишья. Устала.

– Ну вот, ты лежишь на асфальте. Отдыхаешь.

Мимо нас проплывали прохожие. Видимо, они думали, что он мне поможет. А он выглядел так, будто хотел, но не решился.

Я перевела взгляд с жёлтых глаз на голубое небо.

– Это не совсем то.

– Если ты хочешь полежать на асфальте чуть дольше, то лучше не здесь.

– Но я не хочу лежать. Я хочу понять, что мне делать с этой жизнью. Что происходит. Как мне на это реагировать.

– Отдыхом эти вопросы и не пахнут, знаешь.

– Знаю.

Мы помолчали. Асфальт начал быть некомфортным.

– Ты следил за мной, что ли?

Двадцать удивлённо посмотрел на меня. Кивнул. Помотал головой.

– Не изначально за тобой, сначала за ним – Хорошим Господином, а уж потом, когда ты умчалась, буквально умчалась, а не убежала, я отправился за тобой.

Издав далеко не изящный звук – подобие кряхтения – я приподнялась на локтях. Правый ужасающе заныл, видимо, им и ударилась при падении. Соломенная прядь Двадцать маячила перед глазами, как колосок в чистом поле.

Я редко скептически, крайне. Обычно именно я – та самая дурёха, что вечно ведётся на розыгрыши и не понимает сарказма, но тут даже мне ясно, что логика и факты не сходятся.

– Послушай, Двадцать, – было очень странно его так называть, но пришлось, – ты, пожалуй что, должен быть гепардом... Ну, хотя бы гончей, чтобы угнаться за мной на скейтборде. Особенно когда я ехала так быстро и так далеко. Я не хочу сказать, что ты врёшь, но это... – я выдохнула, – это невозможно.

Двадцать снова наклонил голову.

– Значит, – помолчал, – значит, всё это крайне удачное стечение обстоятельств. А если так, то волноваться не о чем: на это самое «стечение» мы повлиять никак не можем.

Он протянул руку.

– Поднимись, пожалуйста. Тебе о многом надо подумать.

Его ладонь была длинной, пальцы – узкими. Я внимательно разглядывала её пару секунд и протянула свою, грязную, окровавленную, со сломанным ногтем.

Рывок, поднявший меня на ноги, болью отозвался в теле, по предплечью стекала кровь, огибала большой палец и капала с ногтя. Я оглядела повреждения. Не такие уж большие, но крайне неприятные: в руке звенело, одежда вся в грязи, на джинсах зияла большая дыра, кожа саднила, царапины меланхолично кровоточили.

С таким количеством аварий пора бы переходить на самократ.

Двадцать протянул скейтборд. Колёсико с первого взгляда казалось поврежденным, а на поверку так вообще разболталось. Нужны инструменты.

– Что же, придётся идти до дома пешком, – сказала я больше в пространство, но Двадцать тут же наострил уши.

– У тебя нет денег на автобус?

Щёки мои резко загорелись.

– Есть.

– Зачем тогда пешком?

– Хо-че-тся, – отчеканила я.

Он поправил шляпу.

– Тогда пошли.

И мы направились вдоль дороги. Я обнаружила еще и поврежденную коленку при первом же шаге, охнула, поморщилась, пошла дальше, прижимая скейт.

«Здравствуйте, я на собеседование, прямо после боя с тигром. Ну, хотя бы я победила. можно вписать это в профессиональные навыки? У вас есть вакансия укротителя?»»

– О чём ты думаешь? – у Двадцать была дурная привычка заглядывать в лицо собеседнику, несмотря на разницу в росте.

– О работе.

– У тебя же её ещё нет.

– Ну, о собеседовании.

– Думаешь, возьмут?

– Нет.

– Почему?

– Мне в последнее время не везет.

– Я бы так не сказал.

Я развела руками:

– Говори-не говори, а не везет страшно.

– Вот уж полнейшая глупость.

И снова горящие щёки. Оставалось только угрюмо взглянуть на него.

«Пожалуйста, не называй мою жизнь глупостью,» – хотелось сказать, но из горла вырвался только некрасивый сдавленный звук. Я тут же отвернулась.

За углом оказалась аптека. Я попросила Двадцать подождать меня со скейтбордом у входа, а сама купила перекись и вату. Отдав последнюю мелочь, обработала ссадины прямо там, слегка поморщилась, когда на ранках зашипела белая

пена. Затем вернулась к провожатому.

Мы шли мимо зарослей сирени. Они скрывали страшные панельные пятиэтажки – застройка большей части окраин Краснокаменного. Вот и школа – красно-белая – шумная. Только что прозвенела перемена, и дети высыпали во двор, как ягоды из лукошка, не в состоянии томится в тесных душных кабинетах, когда тут солнце и майский воздух.

– Хочу в школу... – пробормотала я.

– Жуть какая! – слишком бурно отреагировал Двадцать. – Зачем?

Покосившийся забор навис над нами, Двадцать ударился лбом о балку, потёр ушиб, недовольно взглянул на железяку. Я подавила желание погладить его по голове: я привыкла чуть ли не машинально жалеть всех, у кого что болит, и кому плохо или грустно. Чтобы удержаться – отвернулась и ответила, наблюдая за играющими детьми:

– Там было так беззаботно...

– А ты точно хорошо помнишь те времена?

Пёстрая картинка первоклассников с румяными щеками и в фартучках тут же вылетела из головы, а вместо неё остались воспоминания об одиннадцати годах изгнания на задней парте. Не сказать, чтобы это было катастрофически плохо, но особой популярностью в школе я не пользовалась, на переменах зачастую стояла в уголке с книжкой (когда Рия куда-то убегала), а на уроках руки не поднимала, поскольку не была уверена в ответе, хотя как потом оказывалось, я

не ошибалась.

На совместные посиделки однокашники меня не звали, а в добровольно-принудительных социальных мероприятиях давали роли типа «куст в спектакле» или «держатель ленточки на марафоне». Хуже всего было в средней школе, когда девочка из параллельного класса, новенькая, не особо умная, но очень настойчивая, решила, что я – прекрасная жертва для травли. Она поджидала меня на пустых лестницах, дёргала за волосы, рвала учебники и обзывала тряпкой. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы не Рия.

Маленький гот, гроза мальчишек, очень-умная-но-ленивая, призёр олимпиад, вороные волосы, пирсинг в губе, по совместительству моя лучшая подруга умудрилась запугать ту девочку так, что обидчица меня по стенке до самого выпуска обходила.

В старших классах неловких социальных мероприятий прибавилось, как и домашних заданий. Я засыпала на уроках из-за бессонных ночей, проведенных за домашней работой, очень старалась ухватить всё и сразу, но сил не хватало. На школьных дискотеках опять была в углу, на уроках физкультуры была той самой несчастной, которую никто не выбирал в свою команду, пока Рия не говорила своё веское слово.

В общем, школьные годы, если так разбирать, всё же не самые счастливые в моей жизни.

– Пойдём дальше? – предложила я Двадцать, утягивая его

подальше от воспоминаний о линейках и дневниках.

Мы пошли во дворы, пересекли дорогу у церкви.

– Я помню... достаточно хорошо. Закончила я её совсем недавно. Хорошо, термин «беззаботно» не совсем подходит, на самом деле мне там совсем не нравилось, но было легче, понимаешь? Ну, сравнивать школу и... даже произносить это смешно, но «взрослую жизнь» – это как сравнивать первый и одиннадцатый класс в той же школе, понимаешь?

Он кивнул. Обернулся на удаляющееся здание – дети угрюмо плелись обратно на урок – почесал бровь.

– А вот в первом классе... ну, когда ты только пришла, нет, давай лучше в пятом, в первом-то всем легко, наверное. В пятом вот классе ты думала, что в одиннадцатом будет хуже, а сейчас – легкотня?

Я снова нырнула в омут воспоминаний, отменяя плохое и пытаюсь вытащить хоть что-то хорошее.

Солнечный квадрат от окна на партах, запах мела, первые уроки биологии, заклеивание выпадающих страниц из учебников, белые макароны (таких белых больше никогда нигде не видела) в столовой и противный переслащенный чай.

– Не-а, – покачала головой, – тогда мне было не до будущего сравнения. Я старалась, конечно, жить по принципу «могло быть и хуже», но не думала перескакивать так далеко. Когда тебе ставят два по математике, не думаешь, хотя бы у тебя нет долгов по ОБЖ.

Он рассмеялся. Его смех был похож на твяканье лисицы.

Мы вышли к универмагу. Половина (из двух) ступеней отсутствовала, и бравая бабушка боролась за своё право попасть в магазин. Всех тех, кто пытался помочь, она отгоняла тростью, так что я даже не попыталась.

Двадцать тревожно огляделся, но потом заметно расслабился.

– А в одиннадцатом классе перед, я полагаю, экзаменами, ты сравнивала свою жизнь со счетами за ЖКХ и ипотекой?

– Нет, тогда у меня были проблемы другого плана.

– Каждые проблемы своевременны, получается.

– Да, но... – я посмотрела на цветущую вишню. – Дело в том, что все школьные годы я точно знала, что будет дальше. Что за пятым классом пойдёт шестой. Что за звонком будет перемена. И я знала, что если постараться, то оценку можно исправить, поговорить с учителем, переписать работу. Просто там всегда были взрослые: глупые, упрямые, но всемогущие и знающие. И что бы мы ни творили, как бы ни пытались скрыть что-то от родителей, мы втайне знали, что за всемогущими взрослыми нам ничего не грозит. Поругаются немного и исправят. А сейчас взрослые – это мы. Чертовски странно, и верить в это не хочется.

Стая воркующих голубей и не думала бояться наших ног, поэтому продирались мы по краешку бордюра. Прямо на них поехала машина, но птицы всё никак не хотели разлетаться, и я уж готовилась было выскочить наперерез водителю, как Их Пернатые Величества соизволили лениво вылететь

из-под колёс.

Двадцать покосился на меня.

– Довольно глупо было бы быть сбитой из-за голубя.

Я обернулась. Сколько раз я слышала это от Рири!

– А из-за кого не глупо? Где градация?

Он не ответил, лишь снова рассмеялся. Длинные волосы растрепались, нос слегка покраснел, а плащ помялся, но его, казалось, это не волновало.

Мы отправились дальше. Вишня словно бы поймала облака в свои ветви и теперь игриво склоняла их над головами прохожих. Ещё одна группка первоклассников слушала гиду, дружно глазела на памятник Пушкина, расположенный прямо перед краеведческим музеем.

– А куда мы идём? – наконец поинтересовалась я.

Очень своевременно: молодец, Катя. Столько пройти рядом с почти-совершенно-незнакомым человеком и запомнить причину.

Двадцать пожал плечами, шага не убавил.

Перехватив поудобнее скейтборд и потеряв саднящую коленку, я засеменила следом.

Что-то определенно происходит по какой-то причине, вот только что и по какой – я не поняла пока.

Двадцать свистел, будто птица. Я лишь восхитилась.

– Красиво.

Он кивнул. С чего-то он стал крайне неразговорчивым, хотя всё ещё казался благодушным. Может, я ему надоела?

Нормально ли спросить про такое?

Я терялась. Впервые рядом с ним я почувствовала себя неуютно.

Остановившись, проследила за его шагами. Раз, два, три... Он обернулся.

– Ты чего?

– Мне показалось, что ты от меня устал.

– Не устал. Задумался, люблюсь городом.

Зелень кругом просыпалась и цвела. Люди ходили по-весеннему счастливые, освобожденные от килограммов теплой одежды. Хозяйки во дворах усердно выбивали ковры и развешивали бельё на верёвках, а верные коты валялись рядом, греясь весной.

Да, тут было чем любоваться – расцветающей жизнью.

– Скоро и до рынка дойдем, – сказал мой спутник.

– До рынка... – тут я вспомнила, – послушай, Двадцать!

Прошлой ночью я слышала выстрел. Это был ты? То есть – в тебя стреляли?

Он опять кивнул. На секунду стал грустным.

– Да. Но я увернулся.

– От пули?..

– Скажем так: мне повезло.

У меня возникла тысяча вопросов, один абсурднее и занимательнее другого. Чувствовала, что сейчас накрою бедного парня лавиной из уточнений и предложений.

Но...

Но это же как-то... неправильно? Хотя если бы он не хотел рассказывать, он бы сказал верно?

– Двадцать... – начала я, но запнулась об это имя.

Попытка номер два.

– Послушай, Двадцать... А ты ходил в школу? – выпалила я.

Он захлебнулся хохотом, а я покраснела.

Вот что я этим хотела сказать? Была ли у него на физкультуре практика по уворачиванию от пуль?

От отсмеялся, глубоко вздохнул.

– Нет. Откуда я пришёл... там не было школ.

– А откуда ты пришёл?

– Из Алматы.

– Не похож...

– Я пришёл оттуда, а не родился там. Это разные факторы.

– И то верно.

Группка рабочих в оранжевых безрукавках толпилась у ларька с мороженым, каждый – с бутылкой пива в руке. От них сильно пахло сигаретами и перегаром.

Колено снова заныло.

– А тот человек – он тоже оттуда?

– Какой?

– За которым ты следишь... Ты знаешь, как его зовут?

– Хороший Господин.

– Эм, хорошо... А имя?

– Это и есть его имя.

Я покосилась на него со всем скептицизмом, что имелся в моей душе (буду честна: его немного, но).

– Значит, вы с ним точно земляки, Двадцать Корсак.

Он снова засмеялся.

Солнце скрылось за облаками, подул прохладный ветерок. Я поёжилась: наряд, состоящий из футболки и джинс, всё ещё не подходил к прохладной погоде.

Неожиданно порыв сорвал шляпу с головы Двадцать. Он, не глядя, перехватил её. По лбу пролегла вертикальная морщинка, улыбка сошла с лица, а глаза стали серьезными.

– Тебе пора домой, Катя, – тон его был таким ласковым, будто он разговаривал с маленьким ребёнком.

Я растерялась. Нормально же общались, гуляли...

Ах, точно, он же сказал, что сообщит, когда утомится.

Ну, видимо, я утомила его.

Честно пыталась не показывать на лице обиду: просто опустила глаза и кивнула. Да и за что обижаться? Он ничего мне не сделал плохого.

– Хорошо. Пока! – я развернулась и быстро пошла прочь.

– Катя! – окликнул меня он.

Я обернулась, чувствуя, как щиплет глаза. Ругала себя: вот дурёха, расстроилась из-за пустяка! Но легче не становилось.

– Что? – лицо скрыли волосы, я не видела его, а он не видел меня.

Хорошо.

– Я не устал. Просто ветер меняется, а значит – надо ид-

ти работать, понимаешь? Мы скоро снова встретимся. Не забудь про «Джомбу!». Я оставил вам визитку на комод.

Дела... Про дела можно сказать и деликатнее, но от сердца немного отлегло.

– Хорошо, – кивнула я.

Двадцать на улице уже не было. Только одинокий стриж топтал землю в поисках семечек.

Что ж, это было странно.

Глубоко вздохнув, я отправилась домой.

Как многого я не спросила.

– Так.

Рия громко хлопнула дверью. Я высунулась из-под одеяла, заглянула за косяк. В медовом свете старой лампы она спешно снимала ботинки. Сильно пахло сигаретами и кофе.

– Так? – переспросила я.

– Тик-так, тик-так, кукушка-кукушка, сколько мне осталось жить?

– Ку!

– А почему так ма...

Предсмертные хрипы, секундное молчание и смех: мы любили эту глупую шутку и сильно доставали ей всех окружающих в бытность комиками-третьеклассниками (взрослое

окружение нас любило и позволяло рассказывать одно и то же сто раз).

Я встала на шершавый паркет, не вылезая из одеяльного кокона обняла Рию, пошла ставить чайник.

– Как работа?

– Убого.

– Совсем?

– Люди уроды, товар – ширпотреб, мои навыки коммуникации и услуживости – на нуле. К чёрту их.

Вообще-то Рия может быть очень милой и вежливой, но предпочитает культивировать в себе другие качества.

Сделав забег за своей, забытой в комнате кружкой, я вернулась. Подруга голодная, я знаю это точно: она всегда голодная после работы.

Макароны с сыром ещё не успели остыть, салат из овощей с щепоткой базилика всё ещё блестел от сока, а на десерт у нас были вафли по акции.

Рия, не переодеваясь в домашнюю одежду, рухнула на шаткий табурет и с характерным звуком уронила голову на стол. Медленно притянула к себе тарелку.

– Спасибо.

Я осторожно протянула вилку. Рия перехватила страшное оружие и напала на ужин.

– Уроды! – ещё раз сообщила она. – Господи, как можно быть такими тупыми! И ладно бы просто тупыми, но быть тупыми и грубыми – это финиш, конечно. Скажи, надо со-

всем завалить тест на интеллект, чтобы заходить в магазин, на котором написано «ЧАЙНЫЙ» и спрашивать: «а что у вас тут продается?. Я просто онемела. Ну, автомобильные шины наверное или сапоги, ага.

– Да они, наверное, и не прочитали.

– Нет, ну а зачем заходить туда, куда ты не знаешь? И ладно бы один такой, но нет, пять человек за один день. Я что, работаю рядом с психушкой или домом для слепых? Давай погуглим и мне станет стыдно, я тут же покаюсь. Или наоборот, потому что я лишь убежусь, что всё и правда тупые.

– Нет такого слова «убежусь»

– Многих слов не было, теперь появились. Это эволюция.

– Ты считаешь это развитием языка?

– Кать, не умничай, я тут на жизнь жалуюсь.

– Ой, прости.

– Ничего, ты всегда была неблагодарным слушателем для моего потока социопатических высказываний.

Я положила себе порцию и уселась рядом.

– Ты же знаешь, что это нельзя назвать «социопатически-ми»...

Она закатила глаза.

– Боже, ну ты и зануда, Кать.

– Угу, немного.

Макароны получились вкусными. Сыр спасал. Под окнами резвились ребятишки: играли в ковбоев, смеялись, визжали, в общем, устраивали настоящий там-тарарам.

– Что у тебя сегодня было? – Рия разложила остатки салата нам по тарелкам.

Я рассказала ей про Хорошего Господина и про прогулку с Двадцать. Рия лишь иногда издавала звуки внимания.

– Мда уж, – протянула она по итогу, встала и поставила кофе вариться, насыпав молотые зёрна в железную побитую жизнью турку и добавив туда немного корицы.

– Мда уж, – повторила она. – То есть, с моими ребятами ты отказываешься на вечеринку идти, а как со всякими там фриками гулять, так это всё, пожалуйста, откроем свою ветеринарную клинику и бюро экскурсий?

– Так случайно получилось, Рий.

– Угу, просто город удивительных совпадений.

Включив воду в раковине, я начала мыть посуду. Ненавижу, когда она копится – легче уж сразу помыть, чтобы не разводить хламовник.

Рия пока закурила.

– Мне не нравится, Кать. Какие-то мутные мужики... я бы меньше удивилась, если бы ты подружилась с тургеневскими барышнями в областной библиотеке.

– Барышень не завезли, и я пошла по кривой дорожке, – огрызнулась я.

Поставила тарелки на полку, вилки сложила в ящик. Вернулась за стол к мятному чаю.

– Окей, ладно. Слушай, сегодня Марина заходила – познакомьтесь на вечеринке. Она сказала, что в магазине игрушек

освободилось место младшего продавца, она может устроить тебе там собес. Может, попробуешь?

Призадумалась. Активная работа с людьми и деньгами это не то, чего бы я хотела, конечно, но с другой стороны выбора у меня немного, а продавать игрушки – это же может быть как в сказке.

Да и не в той мы ситуации, чтобы я носом воротила.

– Да, давай.

– Супер. Тогда я ей напишу. Думаю, завтра-послезавтра где-нибудь будет, – Рия открыла холодильник. – Слушай, у нас осталось молоко?

– Ой, кажется, нет. В морозилке есть старый пломбир.

Подруга опустила на корточки, дёрнула дверцу. Та не поддавалась – примёрзла.

Рия попыталась ещё раз, уперевшись коленом об столешницу, и дверца с глухим треском распахнулась. Выудив мороженое, Рия победно вознесла его к потолку.

– Ага! Отлично, день стал чуть менее паршивым. Слушай, запиши тогда в список купить молока, хорошо? – она выскребла пломбир в кофе. – Хочешь в чай? Нет? Ну ладно. Пойдем, включим тот ситком про учёных.

Глава пятая

Проблемы интровертов на вечеринках.

Ноги болели после двенадцатичасового рабочего дня, го-

лос хрипел, и хотелось мне только одного – окунуться в горячую ванную и больше никогда оттуда не вылезать.

Стать русалкой. Русалки не ходят на работу. Наверное.

Но нет. Рия затерроризировала меня звонками.

Зачем я нужна ей на вечеринке? Фактически, я бесполезна: жмусь в углу, смеюсь невпопад, общаюсь с хозяйским котом больше, чем с самими хозяевами.

А вот Рия в эпицентре внимания и всё время хочет меня туда затащить. Она хохочет над шутками, закидывая голову назад или одобрительно хмыкает, отчего собеседник расцветает. Золотые тени на веках блестят под светом неоновых ламп, люди: кругом куча людей, пластиковые стаканы, музыка надрывается, парочки целуются, из коктейлей только сок с водкой, далеко от эталона, но единственный псевдо-бармен ещё не пришёл.

*«...ты знаешь, как они достали меня с этим проектом?!
Всю душу вытрясли!»*

«...я сказала ему больше не звонить, так он начал писать!»

«...Наташа начала встречаться с Юлей, ты слышала?»

«...не знаю, посмотрю, как там с билетами...»

У хозяев квартиры явно не было денег на ремонт, зато имелся быстро гаснущий энтузиазм, так что от когда-то обитавшей здесь бабушки остались памятные вещи вроде дурацкого тёмно-коричневого серванта и блеклого ковра на стене – дань памяти пережиткам прошлого. Остальная мебель,

видимо, была стащена со всего города. На стенах – киноафиши, рисунки, плакаты. Ярко-розовый диван сильно контрастировал с клетчатым креслом, и такой резонанс наблюдался в каждом углу.

Гости на вечеринку подобрались... разные. В основном студенты КРГУ, но были и люди постарше, и из других заведений, и вообще непонятно как сюда попавшие.

Типа меня. Или того пожилого рокера в косухе, что выврался перекричать саундтрек собственным репертуаром, хотя его никто не просил.

Сначала я пыталась спрятаться от социума на кухне, в проеме между холодильником и шкафом, но оттуда меня быстро выкурили (буквально: дымили так, что глаза слезились). Вползла в коридор, достала телефон с скаченной книгой (хитрый ход – никто не сможет назвать меня книжным червём, если я буду пялиться в телефон несколько часов подряд, сейчас все так делают). Но заряд гаджета стремительно падал, а все розетки заняты чужими зарядками, а одна так торчала наполовину из стены, что становилось тревожно.

Мне удалось устроиться в зале, между диваном и холодной батареей, наполовину прикрывшись шторой. Шум, музыка и гул человеческих голосов били по мозгам, дышать было нечем, несмотря на открытое окно.

«...они очень сильно отошли от канона...»

«...думаю провести отпуск в Таиланде, там можно ухватить горячий тур...»

«...у меня будет автомат по английскому, если я сдам пару эссе. Поможешь?...»

– Эй, Хлебатый, это же твоя песня!!! – раздался оглушительный крик.

Рокер обрадованно взвыл под мотив музыки из ноутбука.

Большие компании очень сильно утомляют.

Рядом возник хозяйский кот – толстый, похожий на пуфик, полосатый. Критично меня осмотрел, затем, видимо, решил, что подхожу, и, с непреклонным «мявк», залез на колени.

Осторожно опустив руку на пушистый бок, я включила в пушистом-хвостатом режим мурчания.

Закрыв глаза, представила защитный кокон, как всегда делала в момент излишней тревоги и шума. Он состоял из золотых нитей, оплетающих пространство в форме шара, укрывал меня и кота от суеты и шума, переносил нас далеко-далеко, на... на какой-нибудь хутор в Европе. Чтобы трава по колени и солнце окрашивало поле в лимонный цвет, птицы пели и тишина, тишина, тишина...

Диван покачнулся, кто-то взвизгнул над ухом. Кокон, не успев созреть полностью, рухнул.

Я приоткрыла один глаз и глянула на незнакомку в коктейльном платье и чёрных очках. Волосы-дреды сплетены в гигантский пучок, а в тёмных линзах отражался экран мобильного телефона. Она тихо посмеивалась, на меня внимания не обращала, и вообще выглядела абсолютно обыч-

но, но мне резко стало неприятно. Захотелось оказаться как можно дальше, словно эта неизвестная мне девушка могла каким-то образом мне навредить. Глупости, конечно. Я снова постаралась уткнуться в собственный экран, но то и дело поглядывала на соседку. Она закинула ногу на ногу и ухмыльнулась. Интересно, зачем ей очки? Выпендрёж или болезнь?

– Эй, а что это мы тут скучаем?

Голос мужской. Меня словно разбудили, я аж вздрогнула. Подняв взгляд (как, должно быть, испуганно, я выглядела в этот момент), увидела парня. Он нависал крючком, лицо – красное – ему явно жарко, растрепанные русые волосы, футболка с китайской надписью и тонкое лицо. Блуждающий взгляд свидетельствовал о нетрезвости нарушителя моего спокойствия, но, в целом, он был крайне симпатичным.

– Я не скучаю. Я отдыхаю, – прокричала я ему.

Он улыбнулся.

– Солнышко, – качнул головой в сторону, – отдыхают вон там. А тут социофобят.

Вздохнув, покрепче прижала к себе кота. И так каждый раз. Кто-то обязательно решит, что мне безумно хочется повеселиться, просто обстоятельства, характер, стеснение, космическое пространство – да что угодно – мешают и загоняют в угол, но вот: явился рыцарь на золотом коне, чтобы исправить положение и вытащить меня на танцпол.

Мне стыдно за то, что я таких осуждаю, но я устала.

– Мне и тут хорошо, спасибо большое.

Его лицо выражало искреннее недоумение. Опустившись на корточки, он по-гусиному вытянул шею, стараясь заглянуть мне в глаза. Я смотрела мимо, на огни гирлянды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.